

К 1361916

Анатолий
ЕХАЛОВ

КАК
У НАШИХ
У ВОРОТ

500 самых лучших
частушек

Анатолий Ехалов

КАК

У НАШИХ

У ВОРОТ

истории о зартошке и частушке,
о неунывающей русской душе и к ним

500
самолучших частушек

Вологда
2005

В песнях радость, в песнях - горе,
В песнях и весельице.
Только в песнях нахожу
Сердцу утешеньице...

Однажды к знаменитому нашему писателю Василию Ивановичу Белову в деревню Тимонику приехал погостить знаменитый гармонист Александр Рачков.

Вечером взял он у Белова гармошку, сел на лавочку у дома и часа два наигрывал от всей души.

Пусто в деревне, некому сдробнуть да частушечку гаркнуть. Один Белов в доме романы пишет.

И видит гармонист, что появляется перед ним мужик, взмыленный, с огромными чемоданами в руках.

- Ты, что ли, играл?

- Я!

- Ох, спасибо тебе. Ежели бы не ты, недотащиться бы мне с эдаким грузом.

И тут рассказывает он такую вот историю. Домой едет, в Тимонику. Вылез из автобуса, и ни единой попутки. А еще семь километров идти. С такими чемоданами!

Пошел! Куда денешься-то...

Шел, шел. Силы совсем кончились. И тут где-то далеко в гармонь заиграли. Да так, что ноги сами побежали.

Кончится игра, чемоданы - свинцовые. Заиграет гармонь - откуда силы берутся. Так вот и шел всю дорогу.

Непростое нынче время. Трудное, тяжелое... А идти надо. Пойдемте, братцы, с гармонью да песнями.

ИЗЛОЖЕНИЕ КАБЛУКА

Трудно поверить, но частушка в русской народной поэзии - жанр молодой. Определение этой короткой песни, живо откликающейся на злобу дня, часто рождаемой прямо на гулянках из-под каблука, впервые ввел в обиход в 1889 году великий русский писатель, тонкий знаток народной жизни Глеб Иванович Успенский.

Так что частушке, как жанру, немногим более ста лет, но кажется, что она неизбежно присутствовала во всей русской жизни, и настолько пронзила, наполнила все ее стороны, что, кажется, исключи ее, и душа народная осиротеет, померкнет.

Говорят, что Шаляпин не любил гармошку и вместе с нею порождение ее - частушку. Однако этот немецкий инструмент нашел такой живой отклик в народной душе, что сегодня скорее можно говорить о том, что гармошка - инструмент чисто русский и немецкого в нем не осталось и капли... Вряд ли и немцы станут оспаривать свои приоритеты на гармонь.

Однажды мы сидели в застолье с немецкими друзьями и много пели под гармонь. Вернее, пели только мы, русские. Немцы молча сопереживали нам. А потом бывшие среди них девицы и вовсе расплакались. Немцы объяснили, что они свое народное искусство, песенное творчество полностью утратили и теперь могут отдыхать только под магнитофон.

Я думаю, что такие утраты имеют большие последствия. Народ, перестающий воспроизводить собственную культуру, на мой взгляд, начинает терять свою пассионарность, то есть свою внутреннюю энергию, дерзновенность. Такой народ быстро стареет и дряхлеет, и его начинают теснить народы, в коих этой дерзновенной энергии больше...

Гармонь и частушка, как мне кажется, имеют огромный энергетический потенциал и способны пробуждать в русском, да только ли в русском человеке мощную ответную реакцию, подобную скрытому атомному реактору.

Без тебя, мой дорогой,
Без тебя, мой милый...
Без тебя, хороший мой,
Белый свет - постылый.

Эта сторона человеческой жизни наиболее представлена в народном творчестве. Частушка тоже дает высокие образцы любовной лирики.

Порой за этим коротким поэтическим повествованием стоит такой глубины человеческая драма, которую под силу только описать лишь в толстом романе.

Как-то на одном деревенском празднике увидел я аккуратненькую старушку, ладно обутую и оде-

тую, с кротким взглядом глаз небесной голубизны. Бабушке этой было уже за девяносто, но она пришла на деревенский праздник пешком километров за пятнадцать, где жила со своими детьми.

После застолья пошла пляска, и бабули, кто с одним батогом, кто с двумя, встали в круг и, приплясывая, выдавали по очереди частушки, которые большей частью были озорными. Такой вот неунывающий наш народ. Среди разрушенной деревни, среди подступающего к огородам бурьяна звенела гармошка и звенели эти озорные, с ловкими матюжками частушки, словно не было этого запустения и заброшенности, а мир вновь вернулся к своему радостному многоголосью...

Плясала и старенькая бабушка Платонида, плясала церемонно и трогательно, хотя, как сказали мне, уже ничего не слышала от старости, а потом, когда очередь до нее дошла, еще и частушку спела:

Вот и вся моя отрада,
Вот и весь мой интерес.
Пойду выйду на дорогу,
Посмотрю на темный лес.

Спела бабушка Платонида и словно озарилась какими-то давними переживаниями, и стала необычайно красива. Мне рассказали потом, что бабушка Платонида в молодости и впрямь была такой красавицей, что любой мужик при взгляде на нее столбенел.

Жила она в счастливом браке с мужем своим Африканом, народив уже четверых деток. А тут война. И пошел Африкан на войну с мешком за плеч-

ным, и билась Платонида о сырой луг. А скоро и похоронка пришла, и слезы все были выплаканы, да в деревне при четырех мальчиках в горе с головой не окунешься.

Работала не покладая рук. А уж под конец войны пришел с фронта мужнин друг, пришел в холодный дом: жена умерла, двоих ребятишек оставив на него. И посватался к Платониде. Долго ходил уговаривал, хотя баб вдовых и девок-переспелок - пруд пруди. Любил сильно.

И выходил все-таки, поженились, стали совместное хозяйство вести. Только вот однажды вечером прибегают соседка с фермы и лица на ней нет.

- Иди, - говорит, - Платонида, на ферму, там тебя твой Африкан дожидается.

Упала, рассказывают, Платонида, как подкошенная, а когда очнулась, полетела, словно на крыльях, на ферму.

И верно, муж ее любимый, слезами горькими оплаканный, сидит и смотрит на нее глазами, полными страдания. Обнял ее и зарыдал:

- Платошенька, сердце родное. Уедем отсюда, заберем ребятишек и уедем.

Как ни рвалось сердце, ни трепетало, а вот не смогла уйти от новых, ставших уже родными, детей. Так и уехал ни с чем Африкан, заживо похороненный проклятой войной.

...Бабушка Платонида прошлась кружок и пропела еще частушку, в которой, кажется, отразились все ее страдания:

Я по бережку пойду,
Калину красную найду.
Калину красную, как кровь,
Как моя горькая любовь.

Однако надо заметить, что любовные страдания в частушках носят более иронический, озорной характер, за которым, видимо, скрыты глубокие переживания безответной любви, измены.

И откуда же ты взялся,
Где гармошку раздобыл.
Что наделал, окаянный!
Сердце вдребезги разбил.

Говорят, после ИЗМЕНЫ
Пропадает аппетит.
У меня после ИЗМЕНЫ
Хлеб буханками летит...

Я пришла на посиделки -
Все ребята заняты...
И мое-то тинято
Сидит тоже занято...

Стать героем частушки, прозвучавшей по случаю на посиделках, да еще частушки обличающей, опасно. Можно оказаться посмешищем на всю округу и оставить о себе такую нехорошую память на многие и многие годы.

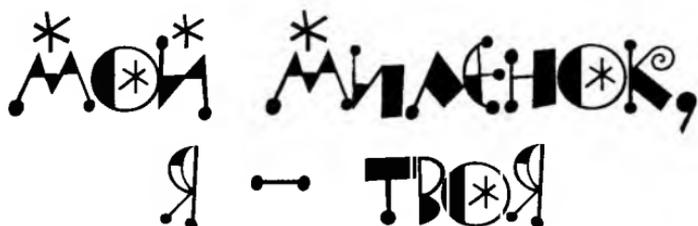
У кого какой милой,
У меня-то плотник.
И до девок до чужих
Он большой охотник.

А вот и ответ коварной изменнице. Тут уж удар ниже пояса.

Шел милашки мимо дома
И окошко полое...
Милка спит - рубаха рваная
И брюхо голое.

Впрочем, комментировать частушки - дело благодарное. Они сами за себя все скажут. Была бы гармонь или балалайка. Поэтому я предложу вашему вниманию те частушки из любовного раздела, которые, на мой взгляд, наиболее яркие и колоритны.

Ты гармошечка-двухрядочка,
Ретивый голосок.
Не дала мне в темну ноченьку
Уснуть на волосок.

Сядь-ка, сядь-ка, милый, рядом.
На мое крылечико.
Все изныло, изболело
О тебе сердечико...

Посмотрю на сенокосе
В голубой рубашке косит.
Подпоясан пояском,
Кличет звонким голоском.

Я косила у пруда -
Не дает косить вода.
Платочком беленьким макала:
«Поди, миленький, сюда!»

Жарко, жарко страдовать,
Жарко сенокосить.
Жалко, миленький, тебя
От себя отбросить...

Что ты шел, не зашел.
Я тебе велела.
До двенадцати часов
Лампочка горела.

Мой миленочек уехал,
Только пыль на колесе.
Меня горькую оставил,
Как полынь на полосе.

Мой миленок, я - твоя,
Куда кошь девай меня,
Кошь пропей, кошь проиграй.
Кошь товарищу отдай.

У меня милаша маленький,
Как зернышко в овсе.
Дал копеечку на семечки,
Сказал: «Купи на все!»

Говорят, что боевая -
Боевая не совсем.
Боевая сушит десять -
А по мне страдают семь.

На меня на молодую
Восьмая сплетня на году.
Пусть идет девятая,
Но я не виноватая.

Поносила бы колечко,
Золотое с пробойю.
Выйду замуж или нет,
А все равно попробую...

Золотой наперсточек,
Серебряна иголочка -
В голове ума не стало
Все из-за милёночка.

Шила милому кйсет,
Вышла рукавица
Меня милый похвалил:
«Эка мастерица!»

Я нашла себе милого:
Он молчит и я ни слова.
Диковалися на нас -
Вот так пара собралась.

Проводил милой до дому,
Сказал: «Позволь поцеловать!»
Раз пятнадцать побожился,
Что никто не будет знать.

Меня милый провожал,
На крылечке задержал,
Сколько звездочек на небе -
Столько раз поцеловал.

Мой миленок - через поле,
У подружки - через пять.
Через поле да не ходит,
Через пять - идет опять.

На окне стоит герань,
Алая да белая.
Никому не расскажу,
Чего я в девках делала.

Пойду плясать,
Рукава спущу.
Хорошо будешь играть -
Ночевать пущу.

У кого какой милой,
У меня мастеровой.
В одну ночку сделал дочку
И с кудрявой головой.

Не ругай ты, мать, меня.
Наживешься без меня.
Наплачешься, навоешься.
Сама полов намоешься.
Портянок настираешься,
Меня навспоминаешься.

А ты играй, гармонь моя.
Сегодня тихая Заря.
Заря моя, Зариночка,
Услышит ягодиночка.

Невысока да густа
В полюшке отавушка.
Невелика да красива
У меня сударушка.

Я к сударушке иду,
Собаки лают на пруду
А что вы, серы, лаете,
Аль меня не знаете...

Я иду, а мне навстречу
Сорок елочек поврозь.
А милка, я тебя не брошу,
Только ты меня не брось...

Милка - лебедь, милка - лебедь,
Милка - славный человек.
Ох, кому же эта ягода
Достанется навек...

Милка - лебедь, милка - лебедь
Милка - лебедь белая.
Мне жениться не велела,
А сама что делала?

Через поле - любить горе,
Через лес - не интерес.
А в своей деревне девка
Как собака надоест.

Если милка не полюбит,
Я в қорыте утоплюсь.
Не в қорыте, так в чулане
Из ухвата застрелюсь.

Моя милка шилом шила
Топором лапшу крошила.
Рукодельница б'ыла,
Сарафаном пол мела.

Лучше пьяному напиться
Да в қанаве полежать,
Чем заносистую девушку
До дому провожать.

Надоело, дорогая,
За тобой ужаживать.
Если будешь заноситься -
Вместе нам не ляживать.

Меня милый не целует,
Говорит, что маленька.
Приходи, большой дурак,
Встану на завалинку.

Ты миленок, не балуй.
При народе не целуй.
Целуй, целуй на улочке,
В темном переулочке.

Ты рябая, я рябой,
Давай обнимемся с тобой.
И пусть народ любит,ся,
Как два рябых целуются...

Неужели в самом деле
Красная Виктория.
Он влюбился и я тоже -
Вот и вся история.

Милая, любимая,
Свеча неугасимая...
Горела да растаяла,
Любила да оставила...

Я любила милого.
Любила да покинула.
Я бы не оставила -
Меня судьба заставила.

Под окошечком моим
Камень наваленное...
Тяжело переносить
Зря наговоренное...

Не найти такой подружки,
Как пуховая подушка.
Я поплачу-пореву,
Она не скажет никому.

Стану я на льдиночку,
На самую серединочку.
Опущу любовь на дно, -
Забывла милого давно.

У соперницы моей
Тоненькие ножки.
Голова, как у змеи,
Голос, как у кошки.

Я свою соперницу
Заведу на мельницу.
Суну в омут головой,
Чтоб не шла на перебой.

Я по бережку ходила
Камушки покидывать.
Я топеря не твоя,
И нечего завидовать.

Прислал милый письмецо,
Бумажка подмоченная,
Я взяла разорвала,
Сказала: «Разлученная».

Нагадали мне измену
Да и шишку от безмену,
Ну, измена мне ничто,
От безмена-то почто?

На высокой на горе
Завяла роза алая.
Здравствуй, новая любовь,
Прощай, измена старая!

Я иду большой дорогой -
Воробьишки прыгают.
Парни девушке целуют,
Только губы чирикают.

Ты бы с осени сказала,
Я бы зиму не ходил.
Только валенки дырявил
Да и дров не нарубил.

Брошу кепку на осину,
И пушай она висит.
А дроле сделаю робенка
И пушай его сосит.

У сударушки во спальне
Лампадочка горит.
Качает маленького мальчика,
Меня благодарит.

На дворе висит туман -
Белый, как пеленка.
Вся любовь твоя обман,
Окромя робенка.

А мне милый изменил,
А я и не ажаю.
Скоро он поедет сватать,
Я поеду свахою.

Мы с миленьком расставались.
Целовались горячо.
Я ему сломала руку,
Он мне вывернул плечо.

У меня милашка есть -
Нельзя по городу провесть.
Лошади пугаются,
Извозчики ругаются:
«Куда, едрена вошь, ведешь, -
Лошадей с ума сведешь!»

У моей у бестолковой
На носу висит целковый.
Эка дура лешева,
Куда рублей навещала.
Отдала бы лучше мне,
Так я бы пропилил на вине.

Я сударушку свою
По походке узнаю.
Шейка журавлиная,
Головка лошадиная,
Залупистые глаза -
Это милая моя.

У моей у милушки
Глазки, как у рыбушки,
Как у рыбки у ерша,
Ох, зараза, хороша!

Едет милый по деревне,
Едет улыбается.
Оказалось - зубы вставил,
Рот не закрывается.

У милого моего
Голова из трех частей:
Карбюратор, генератор
И короб'ка скоростей.

Сидит милый на крыльце.
Моет рожу борной.
Это значит пролетел
Самолет с уборной.

Не гордись миленочек,
Не богатый домичек.
Ты обедал - я была -
На столе одна вода.

А мне милый изменил,
На клюке уехал в Крым.
А я маку не дала
На ухвате догнала.

Я любила тебя, гад,
Четыре месяца подряд.
А ты всего полмесяца,
И то хотел повеситься.

Я стояла на мосту,
О перила терлась.
Подмигнула одному -
Семеро приперлось.

Меня сватали по лету -
У меня жакетки нету.
Меня сватали зимой -
Нету шубы меховой.

Говорят: нарядов нет,
Вещала да вещала.
Юбка в клетку, юбка клеш...
Еще какого лучшего.

Хороша я хороша,
Плохо лишь одета.
Никто замуж не берет.
Девушку за это.

Сошью розовый халат -
Сорок пуговок назад.
Золотые наперед:
Никто замуж не берет.

Меня сватать приезжали
На кривой кобыле.
Все приданое забрали,
А меня забыли.

Меня нынче сватали,
В печи в чугуи сопрятали,
Сапогом заложили,
Неделю не тревожили...

Ах, вы девочки-наяночки.
Девчоночки на ять.
У вас юбочки короткие,
Коленочки видать.

Светит, светит, светится
Половина месяца.
Гуляйте девки с мужиками -
Пускай бабы бьются.

Прокатилась наша молодость
Колечком золотым.
А больше мне уже не гуливать
С девчонкам молодым...

Наша молодость прошла,
Прошла и прокатилась.
Ушла в зеленые леса,
Назад не воротилась.

Старуха старая-престарая
Ходила с батогом.
Увидала офицера
И забегала бегом.

Полюбила лейтенанта,
А потом полковника.
Шевельнулось в животе, -
Не найти виновника.

На этом прервемся, потому как частушек на любовную тему чрезвычайно много.

Гармонисту за игру
Две подушки и матрац.
Голубое одеяло
И жениться сорок раз.

*МЫ НЕ ВАТАГ ПРИЕЖАМ

Нас НИГде не ЗажиМали,
Да и тут нас не Зажмут-
А Зажмут да ПохороНЯт,
По могиЛе не Пройдут-

Кто видел и помнит прежние деревенские гуляния, тот понимает, о чем идет речь...

Представьте себе ватагу деревенских крепких, отчаянных ребят, в пятьдесят, а может, и сто человек, которые под гармонь, да не одну, с частушками, уха-ньем и гига-ньем движутся на гулянку в соседнюю деревню. Железные тросточки их волочатся по каменихе, высекая искры, в руках на цепочках играют гирьки...

Мы железными цепями
Разобьем чугунный мост.
А кто заденет атамана,
Измолотим, как овес-

Валентин Александрович Купцов, ныне известный в стране политик, вырос в деревне Миндюкино бывшего Уломского, а ныне Череповецкого района на Вологодчине. И он хорошо помнит эти боевые походы молодежных ватаг в соседние деревни. К ним заранее готовилось вооружение: гирьки, ножи, трости... Разрабатывался стратегический и тактический план действий. Обратная дорога, на случай

отступления, оснащалась заготовленными и спрятанными заранее колями...

Начиналось движение в соседнюю деревню с особого наигрыша, называемого «Походным», который должен был мобилизовать, подготовить ватагу к предстоящим встречам и баталиям. При входе в самую деревню игрался другой перебор, именуемый «По деревне». Он должен был представить товар лицом, показать выходку ватажников и их задачи в этой деревне.

Мы не свататься приехали,
Не девок выбирать...
Мы приехали подраться,
Из нагафов пострелять...

И когда столкновение сторон было уже неизбежным, гармонист начинал игру «Под драку». Чем искуснее гармонист, чем больше в нем куража и дерзости, тем больше было шансов на успех его ватаги.

Построение самой ватаги, шаечки, партии было таким, чтобы можно было обеспечить максимальную безопасность гармониста, поскольку именно его противник будет стремиться, в первую очередь, обезвредить.

А поиграй повеселее,
Нажимай на нижние,
Чтобы нас не обижали,
Робятишка ближняя...

Без гармонии, без ее боевого позыва боееспособность ватаги резко падала...

На мне калоши-ботинки,
В кармане самовзвод--
Из деревни нас погонят,
Не задержит огород--

Часто бывало, что гармонист и был атаманом. Сыграв призыв «Под драку», он бросал через голову гармонь, зная, что ее обязательно поймают или девчонки, или младшие ребята, и вступал в сражение.

Надо сказать, что в этих деревенских баталиях существовал строгий кодекс чести, предписывающий не бить лежачего, не трогать девчонок, если они закрывают собой какого-нибудь парня, не задевать взрослых и женатых, покоряться их воле. Кстати, если девчонка закрывает собой сбитого с ног парня или заступает за него в минуту опасности, то он по неписаному закону должен на ней жениться. Поэтому частушка

«Нас нигде не обижали, только в Шухободи раз,

Шухободские старухи заступились за нас»

имеет скрытый иронический смысл: жениться-то ребятам придется на старухах. Девки за них заступаться не захотели.

Неприятные отношения между молодыми парнями, надо сказать, улетучивались, как только нужно было садиться за общий стол или приниматься за работу, которая чаще всего требовала совместных усилий...

Виктор Соловьев, хранитель народного фольклора, искусный гармонист и плясун, много лет собирает традиции и приемы деревенской пляски. Он не без основания доказывает, что русская пляска есть

не что иное, как скрытое боевое искусство. И что человек, в полной мере владеющий этим искусством, непобедим. Поскольку русская пляска, как боевое искусство, превосходит все известные и широко рекламируемые восточные единоборства. Действительно, стоит только увидеть, как Виктор со своими юными учениками пляшет, сомнений в этом не останется. Тонкий и стройный, как тростинка, Виктор во время пляски вращает вокруг себя огромное бревно. И оно летает как соломинка. Попробуй подступишь!

В прежние годы в деревнях по реке Шексне плясали так, что у неподготовленного зрителя сердце падало в пятки.

Огромный детина в надраенных сапогах гармошкой вылетал на круг и согнувшись пополам, почти уперев голову в пол, вытянув перед собою руки, начинал выделывать ногами коленца, при этом ревел утробным голосом или хоркал, изображая то ли быка, то ли кабана. Скоро появлялся на круге и соперник с ответом, обстановка накалялась, и вот уже керосиновая лампа, звякнув стеклом, летела на пол. В темноте поднимался визг, рев. Народ валил к выходу, а на круге глухо ухали кулаки.

Сопровождавшие деревенские гуляния драки и поножовщина, а нередко целые сражения, когда огромные поленницы разбирались в несколько минут, а от огородов оставались одни прожилки, воспринимались просвещенной публикой как дикость и бескультурие.

В 1917 году на Вологодчине вышла в свет маленькая брошюрка «Лежский фронт», рассказыва-

ющая о традициях кулачных боев и драк среди населения бывшего Лежского уезда - ныне это Грязовецкий район. Так вот, автор приводил в ней такие цифры: за годы первой мировой в драках и поножовщине в Лежском уезде погибло больше мужского населения, чем на фронтах.

Не могу судить, насколько справедлива эта статистика, но одно можно сказать, что боевой дух русского человека и, прежде всего вологжанина, в те времена был намного выше.

Вряд ли мог появиться какой чужак в пределах деревни и тем более повести себя оскорбительно в отношении ее жителей. Расплата наступала мгновенно.

Очевидцы рассказывают, что во время второй мировой войны нередко были случаи, когда наши бойцы ходили в психическую атаку против немцев с гармошками. По флангам и в центре шли гармонисты, играя вологодскую «под драку», или тверскую «бузу», или уральскую боевую «мамочку». При этом бойцы издавали характерное хорканье или мычание. На немцев эти атаки наводили непреодолимый ужас.

Массовый героизм, проявляемый нашими ребятами на всех фронтах, объясняется вовсе не заградотрядами, про которые все пытаются рассказать нам правдолюбцы, а внутренней дерзновенной энергией народа, растрачивать-то которую нам было бы никоим образом нельзя.

Надо сказать, что эта ритуальная воинственность сочеталась с добродушием, добросердечием и гостеприимством.

Сошлюсь опять же на Валентина Александровича Купцова. Отец его, профессиональный портной, обшивавший всю округу, при колхозах был избран председателем. Во время деревенских праздников он готовил пиво и еду на огромное количество гостей. А на сеновале устилались постели на полторы сотни человек, пришедших со всех концов уезда. И спали там дети, парни и девки, отцы и матери, старики и старухи. Сколько историй, баек, сказок... Представьте, какие это были веселые ночи! Какое великое чувство одной большой дружной семьи.

Только такому народу было под силу собрать огромную державу, освоить Сибирь и Крайний Север, выстоять во всех войнах, больших и малых.

Я сам когда-то хаживал под гармонь в соседние деревни и знаю, насколько поднимает человека, его боевой дух настоящая гармонная игра и частушка.

Я привожу здесь сотню таких вот боевых частушек, каждая из которых, словно отлитый в кузницах народной души боевой заряд.

Хулиганские Частушки

Я мальчишка-хулиган,
Батько делает наган,
От телеги отымает
Колесо на барабан.

На гулянку собирался,
Мне доказывал отец:
«На работу, парень, лодырь,
А гулять-то - молодец».

На гулянку собирался,
Батька сунул пяточок,
Мамка на ухо шепнула:
«Не напейся, дурачок».

На гулянку собирался,
Мне доказывал отец:
«На тебя ребята сердятся,
Возьми с собой обрез».

На гулянку собирался,
Мне доказывала мать:
«На тебя девчата сердятся,
Возьми с собой ухват!»

Вологодские приехали,
На лампочки глядят.
Скоро, скоро ЭТИ лампочки
Под лавку полетят.

Мы приехали с колхоза
Имени Калинина,
А наша маленькая шаечка
Нигде не гинула.

Выхожу и запеваю
Я мальчишка-соловей.
Гармонист, не вешай голову,
Играй повеселей!

Вот она и заиграла -
Девятиладовая.
Вот она и загуляла -
Голова садовая.

Эх, птички поют
И синички поют.
Это что же за козьева,
Вина не подают?

Запевай, товарищ, песню, -
Я не буду запевать,
У меня за праву ногу
Что-то стало задевать.

Выхожу и запеваю,
А в кармане - молоток.
Неужели не заступится
Двухродный браток.

Вологодские ребята,
Мы от пули не бежим...
Наши головы не биты,
Мы в канавы не лежим.

Моя финка пятый номер,
Позолоченный носок.
Если кто еще не помер,
Припасай на гроб досок.

А наша маленькая шаечка
Гуляй, гуляй, гуляй!
А нашу маленькую шаечку
Никто не задевай!

А мы нигде не пропадали,
И теперь не пропадем.
А нашей маленькой партеечкой
Большую защитим.

Нас побить-побить хотели
На высокой на горе.
Не на тех вы налетели,
Мы и спим на топоре.

Мы ребята-ежики,
У нас в карманах ножики.
Кто заденет ежика,
Тот получит ножика.

Мы ребята-ежики
В голенищах - ножики.
По две гирьки на весу,
Револьвер на поясу.

А ничего я не жалею
И ничем не дорожу!
Если голову отломят,
Я корчагу привяжу!

Атаман идет по берегу
За ним подросточки.
Кто заденет атамана,
Засверкают тросточки.

Мы железными прутами
Разобьем чугунный мост.
Кто заденет атамана,
Измолотим как овес.

Атаман у нас молодецкий
Семидесяти лет.
За его седую голову
Стреляет пистолет.

Это чей паренек
Выдает коленца?
Не досталось бы ему
Березова поленца.

Атаман Зелену кепочку
На землю положил,
Вынул ножик из кармана
И сказал: «Не побежим!»

Эх, братцы, гуляй!
Уха не повешу я!
А семерых зарежу я,
А мне не будет ни... чего!

Били, били, колотили
В поле у рябинушки.
А перевязывали раны
Все четыре милушки.

Меня били-колотили
В чистом поле на крестах.
Проломили мне головушку
В тринадцать местях.

Из обреза по нарезу
Пуля устремилася,
До товарища дошла
Да в нем остановилася.

Меня били-колотили
В три қола, в четыре гири-
Мне, мальчишке, нишчем,
Не убить и кирпичом!

По спине ходила гиря,
По зубам ходил кулак,
По загривку кирпичина,
А по брюху - толстый стяг.

Все товарищи бежали,
Только я не побежал.
На земляночке полеживал,
Наганчик заряжал.

Из нагана дали выстрел,
По реке пошел туман
Пуля весело запела,
Повалился атаман.

Атаманова могила,
Где береза белая.
Атамана погубила
Пуля закоптелая.

Атаманова могила
В чистом поле у елей.
Умирал, так и наказывал:
«Гуляйте веселей».

Режьте тело, режьте бело,
Режьте грудь напололам.
Задушевного товарища
В обидушку не дам.

Эх, товарищ мой хороший,
До чего ты догулял.
Посреди широкой улицы
На ножике завял.

Финский ножик не согнется
И рука не задрожит.
Задушевный мой товарищ
Во земелюшке лежит!

За деревней грохнул выстрел,
По реке пошел туман.
Удираець с первой пули -
Это, хрен, не атаман.

Эх, стукнули мне,
Не по мне, по шапке.
Я насилу убежал
Ко своей божатке.

Ой, милка моя,
Выйди на полянку.
За тебя побьют меня,
Подбери тальянку!

В том краю Залетку бьют -
В этом отдается.
Пуще-пуще дорогого -
Пусть не задается!

А говорят, что боевая,
Да и вправду - ураган!
На горячий камень встану,
А залетку не отдам.

Говорят, что боевая,
Да и вправду боечка.
А не одна я боевая,
Боевой и дrolечка!

Говорят, что боевая,
Да и вправду атаман!
У начальника милиции
Обрезала наган.

Меня маменька ругала:
«Мало роблю, много ем».
Возьму белую котомочку,
Уйду - не надоем.

Ты, товарищ дорогой,
Не страдай уж надо мной.
Где ты раньше был, родной,
Мы отбились бы с тобой.

По деревенке идем,
А много не калякаем.
А кому окошко разобьем,
Кому ребеночка сляпаем!

А по деревенке идем,
Сами председатели,
А ни к кому не пристаем,
Иди к тебе не пристаем!

Мы гуляли, вышибали
Из окошек косяки,
Неужели нас посадят
За такие пустяки...

Ты не пой военных песен,
Не расстраивай отца.
Он раскати́т всю деревню
До подвального венца.

Мы, ребята-хулиганы,
По деревенке идем.
Выводите, бабы, девок,
Не то все перевернем...

Меня мамочка рожала
Вся милиция дрожала...
Батяко ходит да поет:
«Какое чадо Бог дает!»

А жулиган-мальчишка я,
Не любят девушки меня.
Вы любите не любите -
Жулиганить буду я.

А жулиган я жулиган,
Жулиган я временный-
Не скажу, в какой деревне
Есть мужик беременный-

Я с наганом и кастетом
Из мамани бойко лез.
А батько выхватил обреза,
Так я опять туда залез.

Вологодские ребята -
Воры и грабители-
Ехал дедушка с навозом
И того обидели.

Вологодские ребята,
Где вы деньги берите?
А вы по баням ходите,
Чугуны воруете.

До свидания, товарищи,
Ведут меня на суд!
Впереди гармонь играет,
Сзади дитятко несут!

Бабы судят на мосту,
Что ленивый я расту.
Я на баб не погляжу,
Пойду на печке полежу!

Зайграла синемехая,
Завыли кобели.
Не мою ли это милую
На сено повели.

Скоро-скоро нас посадят, -
Травушки не кашивать -
По зеленому лужку
С сударушкой не каживать.

Эх, зеленые вагончики
Пошли на Соловки.
До свидания, отцы-матери,
Поехали сынки!

Подсудимая скамеечка,
Товарищ дорогой!
Убегу, так и побегает
Милиция за мной.

В вологодскую тюрьму
Залетели гуленьки.
Залететь-то залетели,
А обратно - ..

Из тюремного окошка
Вижу город Вологду.
Принеси, милашка, хлеба,
Помираю с голоду.

Из тюремного окошка
Погляжу на облака.
Принеси, милашка, хлеба
Да пол-литра молока.

Вологодская тюрьма,
Решетки полосатые...
Мы с товарищем сидели
За ножи носатые...

Эх, пить будем
И гулять будем,
А смерть придет,
Помирать не будем!

ДЕВКИ БАЕНКУ

ТОЛИМИ***

ОЗОРНЫЕ И ОХАЛЬНЫЕ

С озорными частушками, кажется, ясно все. Нельзя же всю жизнь прожить со степенным выражением лица, надо когда-нибудь и созоровать, выкинуть коленце, пройтись колесом... На худой конец, у соседа поленницу на святки раскатить... Ну, а уж частушку-то соленую, забористую спеть и сам Бог велел.

Я гуляла день И ночь,
Принесла мамане дочь:
«На-ка, мамка, покачай!
Кто-то сунул невзначай!»

Но вот как быть с частушками нецензурными, хуже того, охальными, которых наплодилось в народе, наверное, больше, чем каких-либо иных, в том числе и любовных... Вычеркнуть их из жизни нельзя, рассматривать только лишь как фольклор в научно-исследовательских целях также не получится... Запрещать бессмысленно: все равно, как из рваного мешка, высыплются они на волю... Да и запретный плод всегда слаще и притягательнее. Тем более в этом жанре созданы настоящие шедевры народного поэтического творчества...

Может быть, нужно прежде постараться понять,

почему эта тема столь притягательна. Вряд ли это можно объяснить только лишь всеобщим падением нравов, бескультурьем и пьянством.

Мне кажется, ответ на эти вопросы лежит в нашем далеком языческом прошлом, когда предки наши поклонялись Роду. Род, родичи, народ, родина, рождение - слова одного порядка. И в основе их лежала одна суть: продолжение рода. И те самые слова, которые принимаются сегодня нами как нецензурные, матерные, вовсе таковыми не были. Более того, они были священными, сакральными словами, повторяемыми как заклинание, как призыв, обращенный к предкам, давно ушедшим.

Как засеянное поле вызывает добрые чувства уверенности в благополучном будущем, так и беременная женщина, мать должна была вызывать не чувство стыда, а наоборот, чувство радости и уверенности, что все идет своим чередом, что мужчины свое предназначение истово исполняют, женщины племени чреваты, а это значит, что роду ничего не грозит, он развивается, он крепнет и крепнет день ото дня.

Вспомните, как начинались наши былины: «Ой, ты гой еси, добрый молодец!» Что же это такое «гой еси»? Что за бессмысленные, казалось бы, слова? Я думаю, что это и есть те самые запретные матерные слова... Только наши-то предки не видели в этом ничего предосудительного. Если «гой», он же «хой», он же в современном написании - трехбуквенное обозначение русских заборов, занят своим главным делом, то, значит, все будет хорошо.

Тогда может быть, «гой еси» - это пожелание благополучия и продолжения рода.

Это уж потом, когда к нам пришло Христианство и началась борьба двух идеологий, то все, что связано с язычеством, стало гонимо и объявлено запретным. Тем более слова, имеющие сакральный, божественный в язычестве смысл и напрямую обращенные к роду.

Но опять же ни гонения, ни запреты не способны вытравить в человеке то, что закладывалось на протяжении многих и многих поколений. Слова эти работают на уровне подсознания и несут в себе мощный энергетический заряд. Не зря же человек прибегает к ним в критические моменты и, кажется, на помощь к нему приходят в этот момент силы, каких он в себе уже и не чаял.

И если в какой-то определенный момент истории в народном творчестве возрастает количество творений нецензурного свойства, это, на мой взгляд, означает, что народ переживает непростое для него время, когда требуется энергетическая подпитка, обращение к глубоко сокрытым корням.

Одну такую нецензурную частушку я попробую привести здесь, предварительно отредактировав:

Эх, так твою мать,
Развалилася кровать!
Ну и мать ее еси,
На полу буду еси!

Это четверостишие было создано народной стихией, полагаю, в послевоенные годы, и оно полно дерзновенной, жизнеутверждающей энергии. Что же произошло с нами далее? Куда ушла из нас эта внутренняя, кипучая пассионарность? И почему мы,

как народ, стали стремительно вырождаться? Вот в чем вопрос.

А ответ на вопрос, как быть с нескромными, нецензурными частушками, наверное, не так уж и сложен. Нужно знать: где, с кем и в какое время их петь, чтобы не унижить себя и не оскорбить других...

ЗА ДЕРЕВНЕЙ,
ЛО ПРЯТМ

Ты гуляй, гуляй онуча,
Гуляй лаптева сестра.
Ты гуляй онуча с лаптем
Хоть до самого утра.

Я пошел на посиделки,
Три копейки мать дала:
«Две копейки прокути,
Копейку сдачи принеси».

У сударушки в кровати
Три копейки потерял.
Три копейки - не цена,
Зато сделал пацана.

Пляши, Матвей,
Не жалей лаптишек.
К огороду прижимай -
Делай ребятишек.

Эх, катаники серые,
Один и зорвался.
Из-за этого расстроился
И пьяной напился.

Из Кириллова на Вологду
Моторочка летит.
Милый взял меня не целую,
Живет не в аппетит.*

Я милашку повалил,
Утащил за кустик.
И хотел было уйти,
Да кто меня отпустит.

Я милашку повалил
На краю болота.
Только к вечеру спросил:
«Клюквы не охота?»

Девки спорили на даче,
У кого она мохначе.
Оказалась мохначе
У самой хозяйки дачи.

Девки баенку топили -
Загорелся потолок.
Через каменку скакали -
Опалили хохолок.

У кого какая баня -
У меня без потолка.
У кого какая милка -
У меня без хохолка.

У миляшки бани нет.
Ходит париться ко мне.
Пока шаркаю ей спину-
Все худое на уме.

Девушки-голубушки,
Не дайте помереть.
Позовите, девки, в баню,
Дайте спину потереть-

Мороз трещит,
Милка пуше верещит.
Веселей поаживай.
Горячей подмаживай.

Ты играй повеселей,
Я спляшу-потешуся.
Не люб'а - так не люб'и.
На шею не повешуся.

Я девчоночка-вдова
Да все давала за дрова.
Все давала да и думала,
Что дороги дрова-

Девки любят офицеров,
Бабы любят шоферов.
Девки любят из-за форсу.
Бабы любят из-за дров.

Зайграла синемехая,
Завыли кобели...
Не мою ли это милую
На сено повели...'

Санитарная карета
По селу носилась—
Секретарша сельсовета
Хреном подавилась...'

На болоте, на моху,
Таракан дерет блоху...
Сидит заяц на суку,
Помирает со смеху.

Заблудилась я в лесу,
Может, кто и выведет—
Пойду лягу на дорогу,
Может, кто и выведет...'

Девки стоят три копейки.
А ребята стоят рубль.
А как задумают жениться,
Трехкопеечных берут.

Эх, конь вороной,
Белые копыта—
Когда вырасту большой,
Налюблюсь досыта...'

Меня маме́нька учи́ла,
Как у де́вушек проси́ть:
«А́нгелочек, дай разо́чек,
На рука́х бу́ду носи́ть».

Эх, ты ми́лая моя,
Де́вушка-кудесни́ца.
Вот уж год, как роди́ла,
А все хо́дишь че́стная.

Де́вушки-голубу́шки...
Ска́зать бы́ вам че́го...
Умер де́душка на бау́шке,
Не зна́ю от че́го...

Я иду, она стирает,
Вы́нимаю из порто́к...
Ми́лка выстирай, пожа́луйста,
Ба́тистовой плато́к...

У ми́лашки - че́пчик,
У ме́ня - же́ребчик...
Дай ми́лашка че́пчика
Накорми́ть же́ребчика...

У ко́го ка́кая дро́ля?
У ме́ня та́к педа́гог.
Не дае́т се́бя пощупа́ть,
Го́ворит: «Плати́ нало́г!»

Походил бы в ту деревню,
Где учительки живут—
Они девки образованные,
Каждому дают—

А что вы, девки, ходите.
Ходите да сулите.
Сулите, не дайте,
Почто обманываете—

Девки, пойте, девки, пойте.
Я старуха да пою—
Девки, дайте, девки, дайте,
Я старуха да даю—

Я хотел было жениться,
Да и думал, что женюсь.
Меня дряля изнасиловала,
Еле шевелюсь—

Девки уж и бабы уж!
Залетел туда петух.
Кукарекает, поет.
Ей спокую не дает.

Задушевная подруженька,
Пришла баржа с *—
Помоги, подруга, выгрузить,
Тебе один отдам! *

Гармонист, гармонист,
Положи меня на низ,
А я встану погляжу,
А хорошо ли я лежу...

Гармонист у нас хороший
Гармонист у нас один-
Давай, девки, соберемся
И по разику дадим...

Я лежу и загораю
На зеленом на лугу.
Ноги ширятся и ширятся
И сдвинуть не могу.

Вологодские ребята
Проходили по лугу.
Вот уж я и заболела,
Вот уж я и не могу.

Ож, тошно мне,
Кто-то был на мне.
Сарафан не так,
И в руке пятак...

Я пойду потопая,
Повиляю попою...
Она такая софона,
Так и вертится сама...

За игру да за веселую,
Да чем благодарить—
Была бы дырка не проломана,
Дала бы проломить—

Поиграй повеселее,
Нажимай на левый бас—
За игру твою веселую,
Любая девка даст.

Вся неделя пролетела.
Не заметил пятницы.
Ни одни доярки б—
Б— и телятницы.*

Не ходите, девки, в лес,
Комары кусаются—
Самый маленький комарик
За ее хватается.*

Не ходите, девки, в лес,
Комары кусаются—
Не любите мужиков -
Бабьы заругаются—

Познакомиться желаешь -
Приходи на бугорок.
Приноси бутылку водки
И картошки чугунок.

Хорошо на речке жить -
Ходят пароводики.
Незаметно пролетают
Золотые годики...

На бываловском мосту
Случилась катастрофера.
Муж попал под колесо,
А жена - под шофера.

Мы с подружкой у реки
Играли в карты, в дураки.
Она юбку потеряла,
Я штаны не мог найти...

Не хожу я по больницам,
Без больницы я здоров...
Дайте девку на семнадцать,
И не надо докторов...

Не ходите, девки, замуж...
Страшно будет первый раз...
Затрясутся руки-ноги
И подушка, и матрас...

Скоро в армию забьют
И убьют, наверно, там.
Покупайте, девки, шийшку,
Незадорого отдам!

На стене висят часы,
На часах две стрелки.
Если б не было парней,
Девки были б ...*

Мой миленький пес
Утащил меня в овец—
Девки спрашивали все,
Каково было в овсе—

Воробей перелетает
Оржаное полюшко.
Милый - хочет, я - не смею.
У обоих горюшко—

- Ой, девка на меду,
Дай до дому доведу—
- Не веди меня до дому,
Вали сразу на солому.

Меня милый провожал
Ельничком-березничком.
Всю дорогу поднимал
Юбочку с передничком.

Я гуляла день и ночь.
Принесла мамане дочь:
«На-ко мамка покачай.
Кто-то сунул невзначай...»

Поезд едет издалека,
Огоньки виднеются
Девки едут без билета,
На чего надеются...*

Девки уж и бабы уж!
Нечистый дух дерет старух.
Он забрался в волоса,
Кричит на разные голоса.

Говорят, что я старуха,
Только мне не веритья...
Ну, какая я старуха,
Все во мне шевелится...

Старуха старая-престарая
Тонула на реке.
А на памятки оставила
Ее на батоге.*

Старуха Библию читала
На полатях, на краю...
Ты скажи, старуха старая...
Гуляют ли в раю?*

Старый дедушка упал
С печи на бабусю.
А бабуся родила
Дусю и Марусю.

НЕСКЛАДУХИ

Это самая длинная частушка, какие я слышал на своем веку. Спеть ее нужно на одном дыхании, что требует большого искусства.

Лошадь сивая, присивая
Стоит у кабака.
В три погибели согнулася,
Не вытерпела лопнула
На Карюшке Зелена,
Дубовая с цветочком,
С бубенчиком, изогнута
Едреная дуга.

Опси, да ну,
Да я любила, бросила,
Посулила, не дала,
Сказала: «Дырочка мала».
Хоп - топ, хлоп в лоб.
За самогонку грешную
Дерем деревню здешнюю.
Сваку Даку через плаку.
Мерин на кобыле.
Карька не имається.
Я иду, комут трясется
И сиделка на боку,
А шлея по жопе пляшет,
Нескладуху я пою,
Закатилось красно солнышко
За жопу за мою.

Через речку, через мост
Липовый берега рос.
Если милка не полюбит,
Я не буду зареветь.

Сяду дроле на колени,
Стану выговаривать
Ты с какого же намерения
Дрова у меня увез.

Серый камень, серый камень,
Серый камень - пять пудов.
Серый камень столь не весит,
Как обвещал продавец.

А с высокого моста
Да я пойду и утоплюсь.
И кому какое дело,
Куда брызги полетят.

По стене ползет кирпич,
Вся коленка голая
Я сижу на чердаке,
Да кто меня застанет тут.

Сидит заяц на березе,
Опоясался колом.
И кому какое дело,
Может, волка стережет.

МЫ (ТОВАРИЩЕМ)

Мы с товарищем вдвоем
Вам частушки пропоем-
Как частушки пропоем,
Ко вдовам гулять пойдём-

Мы с товарищем пилили
Дров осиновых костер-
За реку гулять ходили,
Завлекали двух сестер-

Мы с товарищем ходили
За реку по мостику,
Двух девчонок увлекали
Небольшого ростику-

Мы с товарищем гуляли.
На двоих один наган.
Четыре года принудиловки
Делили пополам.

Мы с товарищем ходили,
Он ходил и я ходил-
До чего мы доходили,
Он родил и я родил.

Мы с товарищем на Севере
Носили брюки клеш--
Шевелилась за опущкой
Килограмма на два вошь--

Мы с товарищем работали
На Северной Двине--
Ни хрена не причиталось
Ни товарищу, ни мне--

Мы с товарищем работали
На Северных путях--
Ни хрена не заработали,
Приехали в лаптях--

Мы с товарищем на мельнице
Мололи толокно--
У товарища под мельницу
Труссы уволокло--

Мы с товарищем из чашечки
Хлебали молоко--
У товарища не служит,
У меня, как долото--

Мы с товарищем вдвоем
Самогоночки не пьем--
Но уж в нынешний-то праздник
Мы с ним души отведем--

Мы с товарищем вдвоем
Ходили по смородину-
Увидали косача,
Залезли под колодину-

Хорошо тебе, товарищ,
Тебя мама родила-
Родила меня кобыла,
Мамка в городе была-

Хорошо тебе, товарищ,
Ты на хуторе живешь-
Утром встанешь опохмелишься,
По рыжики пойдешь-

Мы с товарищем в поскотине
Гонили самогон-
Вдруг милиция нагрянула,
Засунула в фургон.

Ты пляши, пляши, товарищ,
Говори, что не устал-
Тебе дроля изменила,
Говори, что сам отстал-

Ты пляши, пляши, товарищ,
Чтобы ноги дрыгали-
Чтобы вши из-за опущки
На затылок прыгали-

Ты пляши, пляши, товарищ,
Дробь выколачивай.
На сударушку чужую
Глаз не выворачивай.

Мы с товарищем плясали,
Круто повернулись.
У товарища из зад
Ноги вывернулись.

Хорошо плясал, товарищ,
Хорошо и дробь бил.
Где ты взял такие ноги, -
Не в лесу ли вырубил.

Хорошо плясал товарищ,
Весело кружился.
У нас бык подыкал,
Тоже этак бился.

Задумчивый мой товарищ,
Погляди на потолок.
Не твой ли это черный
Котенок поволок.

Ты опять, товарищ, запил.
Ты опять загулевал.
Посреди широкой улицы
Штанишки потерял.

ИДИТ СЫННИ НА БЕРЕЗЕ***

Однажды я получил приглашение поучаствовать в международной научной конференции «Крестьянство и власть». Конференция эта проходила в Москве в Государственной Думе. Мне предлагалось выступить с докладом на эту тему.

Я стал размышлять над проблемой взаимоотношений крестьянства и властей всех уровней, но ничего путного, кроме критики властей, придумать не мог. Однако на конференцию поехал, намереваясь подготовить свое выступление по ходу.

И вот на трибуну стали подниматься политики и представители науки из Америки и Канады, Китая и Японии, Европы и России. И было странно слушать, как они от имени народа и крестьянства пытаются что-то говорить. И я тоже был в их ряду. Но я далеко не тот народ из деревни, который пашет землю, а власть его из года в год реформирует. Я понял, что не могу выступать от имени народа, не имею права, это было бы фальшиво по крайней мере.

- А что же народ? - размышлял я. - Как он сам-то относится к непрекращающимся попыткам реформировать его, причем, чаще всего, насильственным путем. Как он сам оценивает отношения свои с властью, как оценивает саму власть? Неужели он без-

молвен и, как сказал Некрасов, создал песню, подобную стону, и духовно навеки почил?

И тут я вспомнил, что есть одна такая сфера, в которой народ наш самовыражается, причем без всякой цензуры и купюр... И сфере этой не нужно ни газет, ни телевидения, ни радио... Эта сфера - народное творчество. И оплачено оно самой высокой ценой.

Мне рассказывали, что во время выборов в нашей деревне одна подвыпившая многодетная вдова, измученная непосильной работой и голодом, схмелевшая со стопки водки, вышла в круг и под гармошку выплеснула неожиданно горькую:

Калина да малина,
Восемь жен у Сталина.
У колхозника одна,
Как собака голодна...

Через несколько минут к женщине тихо подъехали сани, кто-то дернул ее за полу, она упала на сено и ... больше ее в деревне не видели.

Все! Теперь-то я знал, как построю свое выступление, знал, как можно говорить от имени народа и языком народа.

Мое выступление на этой конференции было завершающим. В перерыве я покинул Госдуму и пошел искать музыкальный магазин, чтобы купить балалайку.

Это оказалось непросто. Самая дешевая балалайка, а это было еще до деноминации рубля, стоила полтора миллиона рублей. Вот тебе и народный инструмент! Чтобы купить такой инструмент,

впору корову со двора сводить. И все же балалайку, и довольно неплохую, я сумел купить у какого-то пропившегося интеллигента в подворотне. Повезло!

Я завернул ее в бумагу и спрятал в трибуне, а сам принялся составлять антологию политической частушки за весь уходящий XX век. Теперь-то я точно мог выступить от имени народа.

...Когда вышел на трибуну и, после заявления, что я не имею права выступать от имени народа и только вот этот инструмент такое право мне может дать, достал балалайку, в зале был шок. А далее я запел:

Сидит Ленин на телеге,
Два нагана по бокам-
Разделить в деревне землю
Он решил по едокам-

Понятно, что такая частушка в то смутное революционное время стоила ее исполнителю жизни. И сколько таких жизней заплачено за это вот свободомыслие. Или такая частушка:

Ленин Троцкому сказал:
Поедем Троцкий на базар,
Купим лошадь карюю,
Накормим пролетарию.

В колхоз пошла,
Юбка новая.
Из колхоза пришла -
Попа голая.

Председателя любила,
Ничего не делала.
Ночь гуляла, день спала.
Все ударницей была.

Подобных частушек, дающих такую народную ироническую оценку действиям властей, была масса. Каждый шаг правительства, каждое его тайное или явное деяние находило народный отклик:

Эх, яблочки-
Помидорчики...
Сталин Кирова убил
В коридорчике...

Вот такая характерная частушка времен борьбы с басмачеством и подъема азиатских республик:

До свиданья, дорогая,
Уезжаю в Азию.
Может быть, в последний раз
На тебя залазию...

В пятидесятых Никита Сергеевич Хрущев начал борьбу с приусадебными участками и личным скотом, чтобы народ не отвлекался от общественного производства. Тогда-то и родилась такая частушка:

Ни коровы, ни козы,
Не коси, не майся...
Только с милым на печи
Лежи да обнимайся...

Я думаю, что она, эта частушка, как лакмусовая бумажка, отражает наметившийся в народе тревожный симптом пофигизма: мол, вы делайте, товари-

щи начальство, все, что угодно, а мы сделаем вид, что вас поддерживаем. А сами - на печь...

Трень-б'рень б'алалайка,
На печи лежит хозайка,
На хозайке мужичок...
Заправляет червячок...

Немалая часть советского народа в семидесятых и восьмидесятых, когда не стало жесткого администрирования, как мне кажется, залегла на печь с балалайкой и попевала ехидные песенки в ответ на разные правительственные меры. Вот, например, такая язвительная частушка по поводу перехода на летнее время:

У народа час отняли,
Ералаш на глобусе...
Раньше он вставал в постели,
А теперь - в автобусе.

Или такая частушка, логически завершающая хрущевскую борьбу с частнособственническими интересами крестьян:

Серебристый хек доели,
Скоро мойву доедим.
Баб' своих любить не станем
И на кубу отдадим...

Особенно богатым на частушку и народное самовыражение был для России последний период нашей истории:

Ельцин дремлет на столе,
А Шахрай на стуле.
Всю Россиюшку они
Не за грош продали...

Моя милая нашла
Новое занятие...
У нее под сарафаном
Мало предприятия.

Моя милка депутат,
Дорвалась до власти.
Разорву ее мандат
На четыре части...

В банк ходили мы впустую,
Денег нет на посевную.
Хоть иди кредит проси
В Санта-Барбару к Сиси...

...Так вот примерно построил я свое выступление
на той научной конференции... Хлопали долго, а
вот подпеть было некому.

(ЛЕСНОЙ* ЛО* ЖИЗНИ

Наша молодость прошла,
Прошла и прокатилася.
Ушла в Зеленые леса,
Назад не воротилася-

Как и любое время года имеет свои прелести, так и человеческий возраст в любую его пору, должно быть, несет свое очарование.

Люблю бывать в маленьком уютном домике супругов Золотовых из Кириллова, уже года два как отметивших золотую свадьбу. Избушка их всегда полна веселых гармонных наигрышей. Оно и понятно, Золотовы - представители ставшей в наши дни редкой профессии - гармонные мастера. А когда-то гармонный промысел в Кирилловском районе, можно сказать, был заглавным. В одном только Волокославине на гармонной фабрике работало более тысячи человек, а сколько надомников по окрестным деревням клеили меха и настраивали голоса знаменитым на всю страну гармошкам!

Сегодня, наверное, только Золотовы да еще мастер Куликов из Волокославина и способны сделать звонкую кирилловскую гармошку от начала до конца. А это ох как не просто. Только одних различных деталей в гармошке более семисот! Да

что детали! Важно, чтобы в этом нехитром музыкальном инструменте душа заговорила. Без души - то какой инструмент!

Так вот кирилловские гармони и славились прежде всего своей душой. Не строем, не разливом, заметьте, а именно вот этим загадочным понятием - душа. И звучала, и пела, и страдала кирилловская душа по всем просторам великого Советского Союза - от Камчатки до Калининграда...

Одни Золотовы за пятьдесят-то с лишним лет столько гармошек сделали, что и не сосчитать... Согласитесь, в этом деле между супругами особые отношения должны быть - гармоничные...

- Наверное, и не ругивались за эти годы? - спросил я их не без иронии.

- Да и не переставали, - засмеялся Анатолий Степанович, теща на руках очередную гармошку. - Она меня все за рыбалку пилит. Надо за что-то пилить. Они ведь, бабы, без этого, чтобы мужика не пилить, не могут.

- Мало того, еще ни за что ни про что и козлами называют, - поддержал я Золотова, памятуя, что нынче по восточному календарю год козла.

- А козлы и есть, - радостно откликнулась Галина Ивановна. - Это не ложь. Мой так и отпираться не станет.

- Не стану, - простодушно согласился Анатолий Степанович.

- Он как упрется во что, не своротить. Вот скажет что белое, так пусть хоть сто раз будет черное, все равно по-евонному выйдет.

- Правильно, - согласился Золотов. - Какой это мужик, если на своем не настоит.

- Да и бабы они тоже настойчивые бывают, - раздумчиво сказала Галина Ивановна. - Какая это баба, если мужа своего, пока с печки летит, семь раз не обманет? Дура если только...

Золотов передернул гармошку, жена тут же отозвалась:

Мой миленок хитер, хитер
На клюке уехал в Питер,
А я маху не дала,
На ухвате догнала...

- А на торжественном вечере в честь 50-летия-то объявляют: «А сейчас Анатолий Степанович в честь Галины Ивановны споет песню «Мама». А народищу-то эстолько, хлопают все. А он меня в бок толкает: «Давай, бабка, сама пой. Я чего-то слова забыл». Вот я, как дура, и пела сама:

«Помнишь, мама моя, как девчонку чужую
Я привел к тебе в дом и тебя не спросил...»

- Правильно! У тебя память-то не как у меня, не пропита, - нашелся Анатолий Степанович.

- То-то и оно, что пропита!

И они дружно засмеялись...

- А потом и речь говорить меня выкликают. А я и не готовилась. Встала.

Пятьдесят, говорю, прожили, худо и хорошо было, а семью не развалила, троих вырастила, все детки хорошие. Чего еще матери для счастья надо?

- А от кого больше зависело благополучие семьи?

- А мое дело было деньги заколачивать, а ее - тратить. Я и гармони делал, и крыши крыл, и по плотницкой части успевал... А она у меня на должности инкассатора состояла. Бывало, все карманы обчистит!

- Верно. Тут у нас в гостях владыка Максимилиан был. Спрашивает: «Ходишь ли в церковь?» «На исповеди была», - отвечаю. И так батюшку напугала, что он даже от меня отшатился... На исповедито надо всю правду говорить, вот я и сказала, что грешна. Вся, говорю, изовралась да изворовалась... А он: «Где же ты, матушка, воровала-то?» «А у дедка своего. Как пьяный придет, так я тут же все карманы проверю». Ему чего, он не подумает, что ребяташек надо поить, кормить, одевать. Он товарищам хоть сколько пропоит. Вот я и вынуждена была по карманам лазать. Деньги приберу, а наутро божусь, что не брала и не видела. Теперь уж и не пьет давно, а привычка осталась. Так руки сами и тянутся карманы проверить...

- Эдак, эдак, - подтвердил Анатолий Степанович.

- Как, батюшка, - говорю, - простит меня Господь? Либо уж с таким грехом и жить? А батюшка меня и спрашивает: «Все деньги-то забирала?» «Нет, - отвечаю, - на опохмелку оставляла». «Ну, тогда должен простить. Ты ведь не для себя, а для семьи старалась...» Понятно дело, не для себя. Мне-то чего одной, а ничего и не надо. Я лучше свое отдам, чем чужое возьму...

- Вот так и жили. Если я и пил, то без отрыва от производства, - заметил с удовлетворением Золо-

тов. - За все годы ни разу на работу не опоздал. План на 150 процентов выполнял. Одних грамот...

- Я дак тоже не каюсь. Хорошо прожили. Весело:

«Говорят, что дрoля пьяница
Люб'лю, как пьет виццо.
Веселя тогда девушке,
Как выйдег на крыльцо».

Как-то сестра у меня приехала из Череповца. А Толя-то уже в пять утра у себя в закутке принялся гармони настраивать. Играет на всю ивановскую «Коробейников». Она ко мне: «Галька, чего делать-то? То ли петь, то ли плясать? Ночь ведь на дворе-то! Как ты с этим гармонистом и живешь? Не хочешь, да пляшешь...»

Тут пришла мне на память старая частушка:

Гармониста любить,
Надо модною ходить.
Надо краситься и мазаться
И брови подводить.

- Вот уж не красилась и не мазалась никогда, - ответила бойко Галина Ивановна.

- Почему?

- И так пригожая. Владыка-то меня спрашивает: «Как хоть вы сошлись? Он смиренный, а ты такая бойкая?» «Вот, - говорю, - бойкая, так и захомутала. Уж так бегал за мной, так бегал...»

- За мной тоже бегали, - многозначительно сказал Золотов и подмигнул мне лукавым глазом. Бывало, за вечер троих провожал.

Галина Ивановна поглядела на мужа недоуменно.

- Вот трепло так трепло...

Потом еще раз поглядела. Оценивающе.

- А я и не знала... Эстолько лет скрывал! - сказала она. На этот раз ревниво.

Вот она и зайграла,

Двадцать пять на двадцать пять..

Вот она и загуляла

Наша молодость опять..

НА РОДИНЕ

Встретились мы с ним зимней порой в маленьком заснеженном городишке Кадникове, в котором в ту пору на весь город один-единственный светофор имелся, на улице Розы Люксембург. Да и тот в нерабочем состоянии. Да и зачем Кадникову светофоры, когда большие дороги мимо него стороной прошли.

Сидел Василий Ассикритович с гармонью на сене в розвальнях, а детдомовские ребяташки радостно лошадку погоняли. Лошадка головой кивала, ушами прядала, тоже празднику радовалась.

И вот развернул гармонист малиновые меха, кепка-восьмиклинка на ухе прилепилась, из-под рубахи - душа матросская - тельняшка клинышком, валенки новые с отворотами в галошах блестящих. Подмигнул глазом-хитроvanом и выплеснул на улицу веселый перебор с озорной чапушкой:

Меня маме́нька проси́ла:

Цаломай на поме́ло.

Како́е, мамка, поме́ло,

Меня по де́вкам пове́ло!

Хорошо поет Василий Ассикритович Домашин. Хорошо и играет. Заслушаешься.

Но сам он свои артистические данные вроде бы и не ценит.

- У меня и слуха-то нет, - машет он рукой. - Вон, видишь, на кнопках цифры написаны, по цифрам и

играю. Эти вот и поистерлись, где частая игра. А ты говоришь! Кто играет, так мне цифры напишет, я по цифрам и жарю. Вот мои ноты: «Три, пять, три, четыре, шесть, семь, снова три...» Это всяко будет плясовая.

- А что со слухом-то?

- А-а?

- Со слухом, говорю, что?

- Медведь на ухо наступил.

- Ну ты шутник!

- Да я серьезно! - Василий Ассикритович даже опечалился. - Вот как было. Пошел в лес за грибами. Набрал корзину. И иду домой. Слышу, сзади что-то хрустит. Думаю, грибник идет. Не оборачиваюсь. А он меня цоп за корзину-то и повалил. Он думал, что у меня ягоды. Медведь ягоды любит, он грибы-то не любит. Пока он разбирался с корзиной и наступил мне на ухо. С тех пор по цифрам и играю:

А мы с товарищем работали
На Северной Двине.
А ни хрена не причиталось
Ни товарищу, ни мне.

... А вот это уже было похоже на правду. Где только не приходилось работать Василию Ассикритовичу: и на Северной Двине, и в Сибири, на Кавказе, в Казахстане и в родных кадниковских краях. Война всей ношей своей непомерной на мальчишеские плечи легла.

- И голодно, и холодно было, а вот тяготы эти легко переживались. Придем на беседу, только

гармошка рыпнет - что горох по полу - в пляс. У нас две девки были плясуньи. Бывало, одна за поет:

ВетерочкИ подувают
С Севера холодные.
Задушевная, попляшем,
Даром и голодные.

Другая ей отвечает:

Задушевная, попляшем,
Больше делать нечего.
Я пошла не пообедала
И ужнать нечево.

В сорок шестом погнали из Бирякова скот до Ленинграда. Телята еле на ногах стояли от голода. И сами не лучше. Все лето шли, на подножном корму набирали привесы. А старший гуртоправ одной девке еще и брюхо заделал - тоже привес. Шли мимо Пулковских высот, боялись подорваться. Танки, пушки искореженные видели, кости человеческие в окопах белеют... Все перенесли. Вот как бы еще нынешнюю демократию пережить:

Мы с товарищем работали
На Северных путях.
А ни хрена не заработали,
Приехали в лаптях.

... Жил в ту пору Василий Ассикритович примачком у городской кадниковской власти в маленькой комнатухе административного здания. Большого, видать, за жизнь свою многотрудную не заработал. Где бы горе горевать, а он песни поет. И

народ веселит. Ездит с детдомовскими ребятами на детдомовской лошади по улицам, частушки поет про себя да товарища с северных путей, и всем весело. Такой вот непостижимый народ наш русский.

Город Кадников, бывший некогда деревней Кадушкино, размером сам с рукавицу, в полчаса лошадью объедешь десяток его улиц, но вот революционные амбиции у него непомерные. Едешь и диву даешься названиям. Ну, улицы «Коммунистов» и «Рабоче-крестьянская», «Карла Маркса» и «Володарского» еще куда ни шло, но почему улица «Розы Люксембург» и «Фердинанда Лассалья»? Впрочем, Фердинанд Лассаль это кто? Мужчина или женщина? Или, может быть, явление? Об этом стал я спрашивать жителей Кадникова, чем поверг их в большое смущение.

По одной версии Лассаль - это писатель, по другой - физик, по третьей - какой-то сосланный в Кадников царским режимом бунтовщик, по четвертой... и вовсе это только название «поперешной» улицы и более ничего. Не нашел я на улицах города человека, кто бы знал, кто такие Роза Люксембург и Моисей Володарский.

- Это не при нас было, - отвечал мне старик, торгующий голиками. - Чего меня спрашивать, я еще салага...

Так я и не смог выяснить связи кадниковцев с деятелями германского рабочего движения и самим Фердинандом Лассалем, основоположником немецкого мелкобуржуазного оппортунизма. А вот

связь Кадникова с современной неметчиной об-
наружилась самым неожиданным образом.

На имя Василия Ассикритовича Домашина при-
шла из Германии бандероль с видеокассетой. Две
дочери Василия Ассикритовича в свое время в
Казахстане вышли замуж за этнических немцев и
переехали на жительство в объединенную и про-
цветающую Германию.

Мы нашли видеомагнитофон и стали смотреть
на тамошнюю жизнь. Да, было отчего всплеснуть
руками. Ухоженные улочки, зеркальный асфальт,
шикарные авто, огни рекламы... Дочки демонстри-
ровали свои квартиры, сияющие кафелем и нике-
лем санузлы, стиральные машины-автоматы и су-
перпылесосы, сидели семьями за богатым столом
и посылали приветы в Кадников.

- Вот так, папка, и живем, - сказала, наконец, стар-
шая с печалью в голосе. - Самогонки не пьем, пе-
сен не поем, не пляшем... Уж как-нибудь накопим
денег да к тебе приедем...

- Да, - помолчав, сказал задумчиво Василий Ас-
сикритович. - Где бы я ни был, где бы ни жил, а нет
лучше Кадникова.

- Это почему? - удивился я.

А город Кадников хорош,

Стоит на самой на горе,

- запел он вдруг самодельную нескладуху.

А дом культуры расположенный

на самой высоте...

Потом снова помолчал и сказал грустно:

- Не знаю, почему. Это Родина наша потому что...

А мы с товарищем на Севере

Носили брюки клеш.

А шевелилась за опушкой

Килограмма на два вощь...

КАК БАБКА НИНА
КРИКОМ
ОМГРХОМ БЫЛА

Жила-была в деревне Тринадцатый Квартал одинокая старушка. Самая обыкновенная старушка, каких у нас на Севере по деревням, пока, слава Богу, еще что волнушек по березнякам.

Как и весь деревенский люд, носила она летами резиновые сапоги, зимами - катаники с калошами и круглый год «ватну куфайку» (полушубок стеганый), спала на печке, питалась скудно...

По весне садила пластину картошки да пластину лука, пластушину капусты да пару гряд моркови, чтобы зимой не голодомориться. Страдала на сенокосе в комарином да паутовом аду, несла повинность на пастьбе - две коровы, два бычка да нетель, коза опять же с козликком Яшенькой. Надо поробить, чтобы такую артель содержать... Тащит, бывало, из подгорья воду на коромысле и революционные песни поет:

«Помнят польские паңы,
Помнят псы-атамаңы,
Қонармейские наши штықы».

Только вот росточком была Нина Ивановна маловата - всего-то метр с вершком, зато Бог харак-

тер настырный дал, упорный. Вот и упиралась она всю свою жизнь, не считаясь с выходными и праздничными, отпускными и годами пенсионными...

До того как на пенсию выйти, работала Нина Ивановна Крюкова в лесу сучкорубом. Должность ответственная, тяжелая, но и денежная. Хватило бы ей, одинокой, на хлеб с маслом. Да ведь как без скотины-то! Без коровки да бычка - и дом сирота. Правда, дом-то не свой - казенный барак. Но за бараком - дворик, завалившийся на бок - того гляди, крышей накроет и быков, и хозяйку. Но дворик тот и делает тебя человеком, отличным от вербованных перекаати-поле... Тут не просто бабка-сучкорубка живет, а человек с положением. Со сберкнижкой...

...Как-то еще в доперестроечные времена занимались мы с одним известным человеком грешным делом - распитием спиртных напитков. И вот этот человек, когда счет тостам потерян был, сказал вдруг, что он по богатству - второй человек в области. Что у него на книжке - 70 тысяч рублей, что он, при желании, семь «Волг» мог купить и поставить в ряд. А тот, кто первенство в области по богатству держал, мог бы закупить целую дюжину этих дорожных тачек...

Увы, не знали самые богатые люди области, что в деревне Тринадцатый Квартал живет сучкоруб бабка Нина, которая их побогаче будет. И деньги те не от богатой тетки из Америки в наследство достались, а свои, кровные, трудами тяжкими заработанные да экономией каждодневной сохраненные.

Кои в лесу зароблены, кои на сплаве, кои от бычков да свиней вырученные. Шутка ли, одних быков полсотни выращено да сдано государству, а денежки все на книжку покладены. А таких быков, как у Крюковой, не бывало ни у кого. Земля дрожит, как идут.

Как-то мужик один в магазине хвалил. Пока, говорит, папиросу раскуривал, бык-то у Нинки два ведра пошла опистонил да и за третье принялся.

Кому не лестно такие речи слышать? Однако не каждый такую похвальную речь от чистого сердца скажет, иной и черную зависть под рубахой спрячет... Комбедовские-то настроения они живучи.

Да и Владимир-то Ильич Ленин, видимо, прав был, опасаясь, что мелкобуржуазная стихия крестьянства будет ежедневно и ежечасно рождать капитализм.

Хотя, на первый взгляд, капитализмом в Тринадцатом Квартале пока и не пахло. Сучкоруб Крюкова наемной рабочей силой не пользовалась, а горбатилась самолично. И все же некоторые бдительные односельчане этот самый капиталистический загиб в действиях гражданки Крюковой усмотрели.

Помните, с чего начинал Михаил Горбачев? С борьбы с нетрудовыми доходами...

К тому времени приспела пора Нине Ивановне на пенсию выходить. А без работы ей день ночи чернее. Устроилась на легкую в леспромхозе - ассенизатором в своем же Тринадцатом Квартале.

Дали ей полставки жалованья, сивого мерина в

подчинение, бочку с навозным черпаком и все выгребные ямы в ведение. И стала она трудиться на этом поприще истово, как умела.

Черпает «ночное золото» да на ближайšie покосы возит. Бочку соседям да две себе - как русскому человеку положением не попользоваться? И поперла во всей округе на покосах трава, а у Крюковой - не трава, а травища. Раз косой махнешь - и копна. И сено такое, что не надышишься - мед чистый.

Вот и стало завидно некоторым гражданам. Сочинили заявление насчет нетрудовых, пошла бумага в район, там ей ход дали, комиссия с разбирательством приехала. Проверила она сивого мерина, бочку с черпаком, наличие «ночного золота» в выгребных ямах, покосы...

Факты были налицо - трава на крюковских покосах стояла стеной и прочую траву в окрестностях превосходила.

Так Нину Ивановну раскулачили первый раз. На самой заре перестройки. Мерина угнали на колбасу, содержание сняли. С той поры выгребные ямы в Тринадцатом Квартале не чистились, а луга окрестные захирели и выродились.

... Года не прошло, как подкатила к избушке бабки Крюковой другая волна раскулачивания.

Приехала из района опять же выездная сессия районного суда разбирать дело гражданки Крюковой, «допускавшей факты кормления крупнорогатого скота продуктами хлебопечения».

Народу набилось в старый деревенский клуб ви-

димо-невидимо. Гражданка Крюкова топталась перед судьейским столом в новых катаниках с карманами и почти неношеной плюшевой жакетке, доставшейся ей еще от матери.

- Так вы признаете изложенные выше факты? - грозно спрашивала ее судья.

Крюкова растерянно стояла перед судьейством, не понимая, что же тут такое происходит.

- Скотину хлебом, спрашивают, кормила? - весело подсказали из зала.

- Да как же, чудак ты человек, - обращаясь к прокурору, удивлялась Нина Ивановна. - Разве ты сам-то к бычку без корочки пойдешь?

Учитывая чистосердечное признание, дали гражданке Крюковой пятьсот рублей штрафа. Впрочем, штраф этот финансовое положение Крюковой не пошатнул. А деревня? А деревня как кормила скотину хлебом, так и продолжала кормить. А чем еще кормить ее? Не пирогами же...

Но скоро уж и демократические времена подкатили. По деревням заговорили, что за дело в стране теперь тимуровцы взялись. А раз так, жди, что старухам-то старым и дров навозят, и расколют, и в поленницы уложат.

И верно, приезжают из районного собеса специально бабкам в Тринадцатый пенсию вручать. Прибтели бабки в старый клуб, а там радость великая. За все труды их тяжкие доброе правительство такие пенсии отвалило, что и не высказать. Получали какие-то рубли жалкие, а теперь и не сотни даже, а тысячи! Загудели радостно: кто дом собрался под-

рубать, кто двор, кто баню новую ставить. Как с такими деньгами теперь не жить. Понесли тысячи свои жалованные по домам - кто в чулок прятать, кто в матрас, кто за божницу.

Дня через три приехала в деревню автолавка, кинулись наши богатейки за продуктами да ничего и в толк взять не могут... Цены-то такие, что глаза на лоб повылезали. Пошли назад: может, ошибка какая, может, по «радиву» чего скажут. Включили приемники, а там и слова по-русски не услышать: приватизация, инфляция, ваучер да консенсус...

Короче говоря, одновременно раскулачили всех бабушек Тринадцатого. И нашу ударницу Нину Ивановну Крюкову раскулачили подчистую.

Она одна дольше всех держалась, упиралась, скота растила, да опять же государству сдавала, хотя и государства того давно уже не было, а бычков, что на сберкнижке ее паслись, давно уже пас кто-то другой, кто был попроворнее Нины Ивановны.

СИДИТ ЕЛЬЦИН на береге,
БЕРЕЗОВСКИЙ на ели...
Ох, куда же вы, товарищи,
Россию завели...

... Теперь гражданка Крюкова в доме престарелых живет. «Задний мост», говорит, отказал, а то бы и до сих пор растила она государству бычков.

Заехал я как-то проведать ее. Годы иссушили бабу Нину вовсе, согнули. Росту всего на пятилетнего ребенка. Только в единственном уцелевшем на лесной работе глазу теплилась жизнь.

Вытащила она из-под подушки свои сберегательные книжки похвастать трудами жизни, глянула в них и чуть не заплакала - более двухсот тысяч рублей советскими деньгами, превратившихся за эти десять лет в ничто.

А еще она похвастала новыми валенками с калошами и эмалированной кружечкой, на которой написано было «Ельцин наш президент».

- Забрал бы ты меня отсюда, - тихо попросила она, когда я уходил. - Я бы тебе хошь картошки нарастила.

ЛОЖАРИЩЕНСКИЕ БАБУШКИ

У вечеру вызвездило, а ночью выстоялся такой мороз, что утром мы едва-едва оживили свои «Жигули». Звуки, казалось, едва успевали вылететь изо рта, как тут же застывали, превращались в ледышки, со звоном падавшие на землю. Но все же мы выехали на трясковитый проселок и покатали в звенящей стыни в деревню Пожарища - песенный заповедник Вологодчины.

К полудню добрались, остановились на дороге, соскребли наледь с лобового стекла, видим, поднимается навстречу с подгорья бабуля вся в радужном морозном ореоле.

- Что за неволя вам в этакий мороз раскатывать? - говорит. - Шли бы вон в избу, чаем напою.

А за спиной у нее санки с двумя корзинами белья. В этакий мороз полоскать белье на реку ездила!

Мороз деревне забот прибавляет. В печах три раза на дню дрова трещат. На дворах народ скотину от стужи спасает. Гостеприимная хозяйка наша, бабушка Саня Бритвина, додумалась у фуфайки рукава отрезать и в фуфайку козу нарядить. А козлят они с внуком Олегом в горницу притащили, поближе к печи поставили, молоком кипяченым отпавали...

День в хлопотах сгорел, словно и не начинался. Но только россыпи звезд над деревней зажглись, на огонек к бабе Сане товарки, из сундуков старинный наряд достав, поспешали, на спевку да на беседу.

Завидя нас, бабушки-товарки насторожились вдруг.

- Вы сами-то хоть русские будете? - спросили строго.

- Русские, - удивились мы вопросу. - А это значение имеет?

- Нам иностранцам-то песни запрещено петь.

- Это почему?

- А иностранцы у нас фольклор воруют!

- Морозят да в ящики пакуют?

- Нет. Они к нам летами наезжают, на магнитофоны записывают и за границей издают песни наши беспопытно.

Тут внук бабы Сани, Олег Коншин, из-за ситцевой занавески явился в рубахе поясной, рассыпал звонкую скороговорку тальянки.

Бабушка вынесла ковш с пивом ржаным, солодовым, товарок обнесла, и полились старинные нюксенские песни:

Попей-ко, попей-ко
На дне-то копейка.
Поболе попьешь,
Золотую найдешь!

- Ой, если бы не Олег, так не знаем, как бы топеря и жили! - переведа дух сказал кто-то.

- Уж Олегу-то сто раз надо в ноги поклониться! Уж думали, все наши песни и обряды позабыты и не вернутся, а гли-ко ты, уж и молодежь втянулась: «Баушка, дай сарафана погулять»!

- Наш дед, Иван Патрикеевич, бывало, в лес поедет на лошаде. Воз накладет, усядется и писню запеваает. Пока лесом едет поет, дорогой поет, к дому подъезжает у ворот встает, пока не допоет, с воза не слезет. Вот какие писни долгие были.

- Недавно был в деревне Криуле у Настасьи Арсентьевны Петуховой, - откликнулся Олег. - Той за девяносто. А прошлым летом сама серпом полгектара ячменя выжала, двух коров держит, в сенокос сама на стогу стоит, вершится, а поет как! Голос, что у молодухи.

Удивительный человек этот Олег. Остался в деревне, живет у бабушки своей Александры Александровны, в коей души не чаает. От нее и перенял любовь к народной песне и обрядам. В хозяйстве умеет все: пироги печет, варит, половики тклет. Да какие!

Лет с пятнадцати начал всерьез заниматься собиранием фольклора, обрядов и песен, в шестнад-

цать уговорил бабуль одеть свои прежние наряды, сарафаны и кокошники, песни запеть. С тех пор пожарищенские песни на каких только фестивалях не звучали, какие подмостки не знали каблуков пожарищенских песенниц. А иностранцы со всех концов света в Пожарища едут песни послушать.

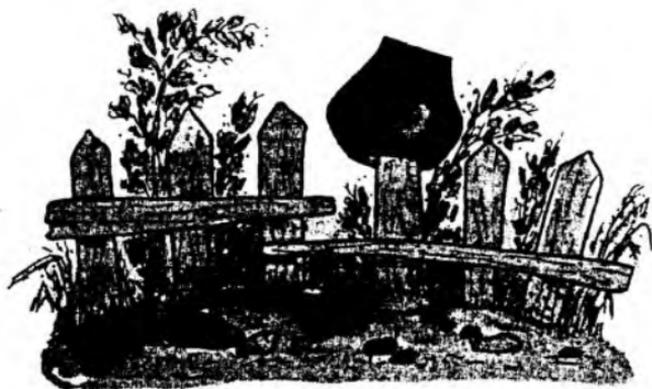
... Дела долго засиживаться не дают. Попели песен и первой поднялась на ноги Афанасья Рябина, певунья и плясунья:

- Все, девки, мне дак пора быка доить.

Грохнула деревенская беседа, Олег меха у тальянки развел, и тут в отворенные двери вслед за товаркой выпорхнула с клубами пара частушка:

Все дойла и дойла,
Под б'ыка уселася-
Черно-пестрая корова
Со смеху надселася-

И упала, звеня, на утопанную тропку мороженая пожарищенская песня. Ну, да к весне, Бог даст, оттает.

В ДЕРЕВНЕ КОНЕЦ

Дорога на Сондугу завораживает. Леса, одетые в осенний яркий наряд, торжественным парадным строем вдоль большака стоят, то распахнется вдруг простор и насколько видит глаз, откроются с холма поля, рассеченные перелесками и проселками, деревеньки на взгорках, могучая, подпирающая куполами сентябрьский небосклон церковь, осененная сусальным золотом растущих на ее кровле берез.

Вожбал - старинное купеческое село, по преданиям - родина Ермака Тимофеевича, ныне оказалось далеко в стороне от торговых путей и торной дороги рыночных преобразований.

Постепенно край этот приходит в запустение, вымирают деревни и смотрят пустыми глазницами окон на проезжающих охотников да грибников огромные, схожие с крепостями, избы и дома ушедших в прошлое крестьянских поколений.

Часа через полтора пути по размытой и разбитой дороге встретили мы пожилого мужичка с почтовой сумкой на груди, правившего пешим в недалекую деревушку на взгорке.

- Что за деревня? - спросили мы.

Мужичок окинул нас оценивающим взглядом и ответил рассудительно:

- Это еще как посмотреть! Ежели вы надумаете письмо сюда направлять, то надо писать Захаровская, а по-настоящему называется она Заречьем.

Вон та следующая деревня пишется у нас Марьинским, а зовется Шильниковым, еще подальше будет Степановская, по устному Талашово, там вон на взгорке деревня по названью Кузнецово, пишется Ильюхиным, ну и крайняя к озеру по письменному будет Никитинская, по устному - Конец.

- Что за притча? - удивились мы.

- А вот так повелось исстари, - развел руками мужичок.

- Как хоть зовут-то вас? - поспрошал я его.

- Кичигиным. Николаем...

- Это по письменному. А по устному?

Мужичок хохотнул:

- Все-то вам и скажи...

В деревню Конец приехали мы уже под вечер. Дорога здесь заканчивалась, и далее начинался сплошной лес да болота на десятки километров.

На подходе к деревне встретил своего давнего знакомого. Потряхивая густой, черной с проседью бородой, посверкивая глазами из-под кочковатых бровей, похожий на лесное диво, одетое в фуфайку, огромные валенки с калошами и спортивные брюки с яркой надписью «Евроспорт», он стоял перед мольбертом и старательно растирал краски. Перед ним на пожухлом лугу торчали два кособоких, потемневших от дождей стожка, очертания которых знакомый мой трепетно переносил на холст.

Человека - это лесное диво - звали Николаем Прокопьевичем Сажиним. Николай Прокопьевич - член Союза художников России. Художник на Вологодчине известный, хотя профессионального об-

разования и не имеет - самоучка. Несмотря на грозный облик свой, тих, мягок и застенчив.

Увидев меня, Сажин заторопился, собрал мольберт, и мы в сопровождении огромного козла, голову которого венчали острые витые рога, двинулись к дому. А из калитки, вытирая передником руки, уже спешила навстречу жена художника.

- Анфея Ивановна, - радостно представилась она.
- Или Анфимия. А кто дак и Амфибией назовет. Давайте-ка сразу к столу. Самовар готов.

Теплый, ласковый вечер опустился на Сондугу. Все живое - и куры, копошившиеся в траве, и голуби, ворковавшие на крыше, и козы во главе с рога-тым предводителем своим, и перелетные птицы, устало севшие на поля, - все радовалось последнему солнцу, наполнившему щедро золотым сиянием своим окрестности и самую крохотную деревеньку Конец, в которой две трети домов стояли с порушенными крышами, зарастая пышными султанами иван-чая. И казалось, что в сиянии света и тепла ничто не предвещает тоскливой октябрьской непогоды, что скорые метели и вьюги переметут дороги и тропинки и отрежут Сондугу от всего мира.

Но Сажины так и не соберутся в город, в теплую квартиру, а словно медведи лесные до весны замкнутся в своей избушке и будут жить летними да осенними припасами, печи станут топить да баню, хозяйство нехитрое вести да окрестную красоту на холст переносить. Грешным делом, и сама хозяйка Анфея Ивановна к кистям да краскам пристрастилась. Да и не только к краскам, но и к стихам.

Хорошо в доме у Сажиных. Тепло и покойно. На стенах картины.

Круторогий знакомый козел, полный достоинства, снегири на ветках словно живые, окрестности деревни и весной талой, и зимой студеной, клюква на холсте и в сенах, травы под притолокой, веники, ружья на гвоздях и стреляные тетерева - сын Прошка егерем служит, с родителями живет.

За певучим самоваром разговор о Сондуге любимой. Анфея Ивановна на высокий стиль перешла, поэтический.

Сельсоветом Сондугским
Как мне не гордиться?
Мне ведь здесь, товарищи,
Довелось родиться-

Хлеб у нас на Сондуге
Хорошо родился,
Озеро поблизости,
Окунь там водился-

А теперь на Сондуге
Нету населенья,
Пенсионеры старые,
И нету здесь рожденья.

- Все! - Анфея Ивановна тяжело вздохнула.
- Вон Прохор женится, и население пойдет! - поспешил я утешить хозяйку.

Она оживилась.

- А вот как мы с Колюшкой моим сошлись, рассказать?

Она обхватила руками косматую голову мужа и ласково поцеловала в бороду.

- Тридцать девять лет уж вместе живем, я его все люблю. Он у меня хороший, добрый. Я библиотекарем работала на Красном Бору в леспромхозе. Ехали как-то с Тотьмы на машине в кузове. Зима, холодно на ветру. И гляжу, одиноко сидит паренек чернявенький. Без рукавиц, в воротник фуфайчки голову втянул. Я его подозвала к себе да пригрела. Потом он ко мне в библиотеку пришел. Из лесу, грязный, сырой. «Мне, - говорит, - книжку про любовь дайте!» Дала. А он провожать меня намерился.

«Хорошо, - отвечаю, - только ты по мосткам иди, а я по земле, чтобы нам с тобой поровнее быть». Потом пришел три рубля занимать.

До сих пор не отдал. Не успел. Поженились. Ночью пожитки перевозили на санках, чтобы не стыдно было. Вот, говорят, костер разгораться не хочет, а у нас разгорелся костер-то. Трое детей.

Николай Прокопьевич молчал, лишь ласково поблескивал из-под темных бровей глазами небесной голубизны. А хозяйка уже взялась за гармонь, и в избе рассыпалась частушечная скороговорка:

Все пришли, все пришли,

Все пришли, притопали.

Моего милого нет,

А видно, волки слопали...

За окнами уже синели сумерки.

Мы с товарищем вдвоем
На скотный двор гулять пойдем.
Он - к телушке, я - к бычку,
Полежим коть на бочку.

Что вы, парни, ходите.
Меня не замечаете.
Али вы в большой любви
Ниче не понимаете.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ
СЕРГЕЕВИЧ СЕРГЕЕВИЧ
СЕРГЕЕВИЧ СЕРГЕЕВИЧ
СЕРГЕЕВИЧ СЕРГЕЕВИЧ

Это что за паренек
Выдает коленца.
Не досталось б'ы ему
Березова поленца.

Я, бывало, всем давала,
Без разбора, на печи.
Мать за то меня ругала.
Что протерла кирпичи.

За деревней грохнул выстрел.
По реке пошел туман.
Удираешь с первой пули -
Это, хрен, не атаман.

Я к сударушке ходил,
Ходил и не потуживал.
Заработал алименты,
Пока батько ужинал.

Меня маменька ругает:
"Мало роблю, много ем"
Возьму белую котомочку.
Уйду - не надоем.

Продолжи историю

Били, били, колотили,
Трость железная вилась.
Из-под беленькой рубашки
Кровь горячая лилась.

Дура, дура, дура я,
Дура, за картошку.
Дура, я ему дала.
Протянула ножки.

Хорошо гулять на воле,
Хорошо и славиться.
Подсудимая скамеечка
Не больно нравится.

Иллюстрация
художника
В. С. Савинова
© 1988 г.

На реке портки стирала.
Над портками плакала:
Где же та в портках игрушка,
Что намедни брякала.

Как у наших у ворот
Тузик Бобика дерет.
А потом наоборот:
Бобик Тузика дерет.

Закурю-ка да положу
На оқошечко қисет.
Если я тебя не вылюблю,
Так вылюбит сосед.

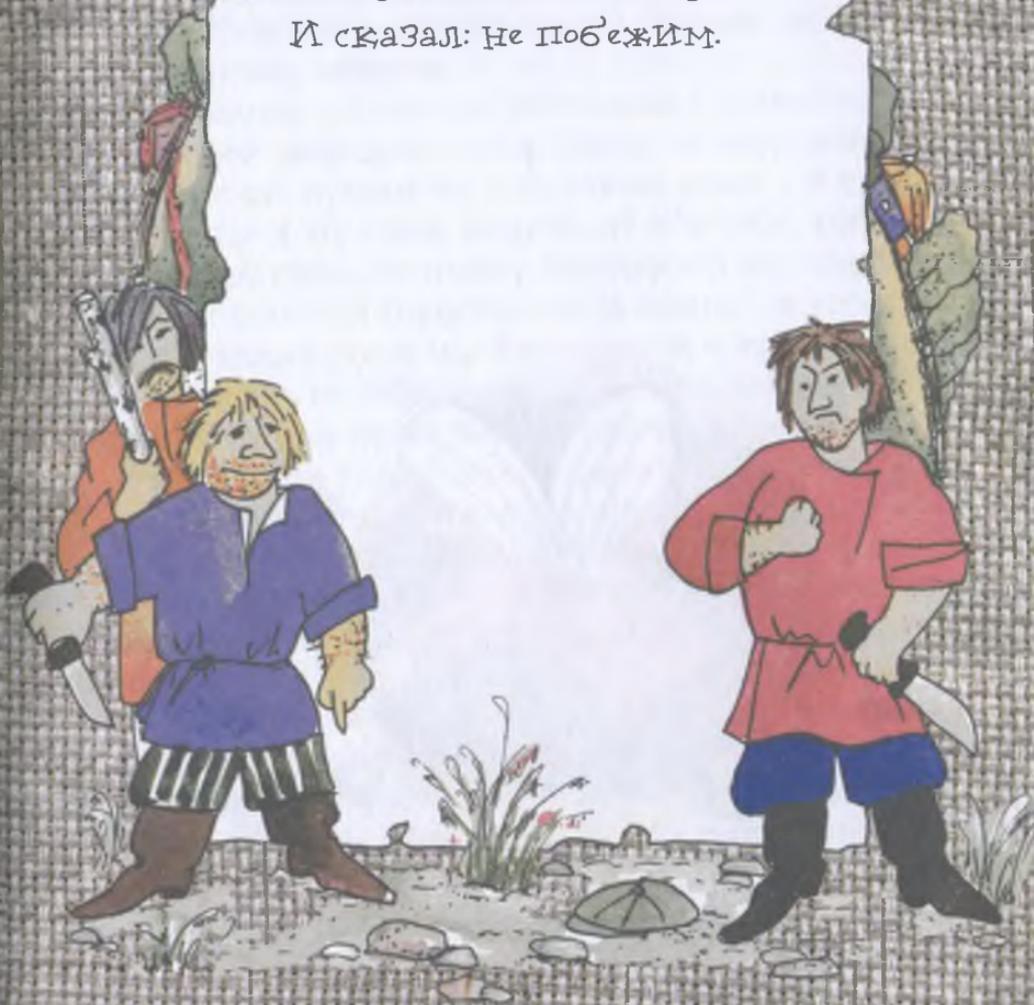

У милашки бани нет,
Ходит париться ко мне.
Пока шаркаю ей спину,
Все худое на уме.

Атаман Зелену кепочку
На землю положил.
Вынул ножик из кармана
И сказал: не побежим.

Прокатилась наша молодость
Колечком золотым.

А больше мне уже не гуливать
С девчонкам молодым.

ЧУДЕСА В КОРЗИНЕ

- Тут у нас в деревне такие, парень, чудеса случаются, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Да, - дед Полинар, сидя на табуретке под яркой лампочкой, ловко заплетал днище драночной корзины, орудуя большим самодельным ножом. И при этом не менее ловко выплетал языком всякие забавные деревенские истории.

- Возьмем, к примеру, этот ножик - сделан из самолучшей немецкой стали. Волос на лету сечет, - говорил он, лукаво поглядывая на меня. - А спроси ты: где я эту сталь раздобыл? И я тебе, хоть ты мне литру ставь, не отвечу. Потому что это предмет особой военной секретности. И ежели раскроется он, так только после моей кончины. А я, парень, скоро помирать не собираюсь. Уж больно бабка у меня пироги добры печет. Завтра сам испробуешь.

За стенами Рогулинского дома потрескивал мороз, полноликая веселая луна скатилась с остывших, усеянных морозным инеем небес, заглядывала в окна вечерявшей деревушки Великой, словно надеялась увидеть или услышать что-то невероятно для себя интересное.

- Насчет военной тайны, я думаю, ты, Поликарп Васильевич, загибаешь, - попытался я осадить старика, да споткнулся сам. - Как все-таки правильно тебя именовать: Полинаром, Поликарпом ли?

- Вот видишь, - живо откликнулся он, - опять загадка. До пенсии я Полинаром был, а на пенсию

вышел Поликарпом. Фамилия только не менялась. Как был Рогулиным, Рогулиным и остался.

- Так ты вполне можешь на двойную пенсию заявляться! И на Полинара, и на Поликарпа! - нашелся я.

- А и то верно! - загорелся Полинар-Поликарп. - Помоги-ко похлопотать. Лишняя копейка на дороге не валяется. Глядишь, мы с дедком Фурстовым с самогона на водочку перейдем. Ну да, самогонка у нас с Фурстовым, считай, дармовая. Ядреная, зараза! Тоже чудо, - собеседник мой прямо-таки расцвел. - Ладно. Расскажу по секрету.

Тут у нас в пятидесятых, кажется, какой-то деятель на сыроварне бочек двадцать сыру проквасил. А чтобы скрыть, в заброшенный колодец свалил. Поначалу пованивало, а потом и привыкли. А уже в перестроечное время ударил из колодца источник - с двух стаканов с ног сшибает. А кого так и с одного. Как слабеть начнет, мы с Фурстовым туда сыпанем лепсину - закваска такая есть сырная - опять самогон-то закрепнет. А главное - закусывать не надо! За счет этого источника мы все свои усадьбы вспашем, сена накосим, дров привезем... Теперь, если у него мощи хватит, думаем расширять производство. Все запущенные совхозные поля перепашем, уберем, скота наростим, доить станем, сыроварню опять же поставим и все колодцы в округе кислым сыром забьем. Для будущих поколений задел оставим.

К этому времени дед Полинар, он же Поликарп, днище у корзины заплел, начал боковины выводить.

В доме было тепло от широкой русской печки, ноги блаженствовали в мягких валенках, а из кухни доносились запахи пирожной начинки и дрожжей.

...Веселый человек Поликарп Васильевич Рогулин из деревни Великой.

Бывший тракторист, бывший дорожный мастер, бывший Полинар, а ныне Поликарп, пенсионер, охотник, рыбак и, если использовать нынешнюю терминологию, приколист.

Поучиться только вот мало пришлось, с малолетства в работу вместо отобранных лошадок впрягли. Образование постигал уже в солидных годах. Вместе с дочкой экзамен за восьмой класс сдавал.

Директор школы Прелидиан Дмитриевич Орлов, умнейший мужчина был, спрашивает Рогулина: «Покажи на карте, где находится озеро Чад!»

Показал. Вот, мол, оно - в Африке жаркой.

- А скажи, оно пресное или соленое?

- Пробовать, - отвечает, - не пробовал, а в книжке пишут, что пресное.

- А вот и нет. Соленое, - возражает директор.

Заспорили. Книжку принесли - пресное. Рогулинская правда-то.

- А вот ты, Прелидиан Дмитриевич, слыхал про такую реку Ивонику? - спрашивает Полинар Васильевич.

- Нет, - отвечает, - а где это?

- А у тебя за двором. И ты не знаешь. А меня про какое-то озеро Чад спрашиваешь...

Но с познанием африканских озер жизнь оказалась куда перспективнее. Пошел Рогулин на повы-

шение, стал дорожным мастером. За эти годы дорог настроили по всей округе, в любую погоду хоть шаром кати. Только вот жителей осталось по тем деревням кривой да желтый. Опоздали с дорогами-то.

Но и на пенсии Рогулин унывать не стал. Хозяйство завел изрядное. Трактор в 75 лошадиных сил, корова-ведерница, пасека - медом хоть всю округу залей. Дети помогают, проведывают...

Старший зять в больших чинах под Москвой служит. Вот-вот лампасы на штаны пришьют. А тоже как отпуск, в гости в Великую катит. С подарками. Ну, а что такое может подарить русский офицер своему тестю, чтобы сразу было видно, что зять у него человек не в щепках найденный, а к военному делу приставлен.

Не гранатомет же везти - Великая это вам не Кавказ. И подвернулись ему два списанных парашюта. А что? Материал крепкий, может, и сгодится в хозяйстве ...

Сразу скажем, сгодился. Да так, что вся округа в себя год, наверное, приходила.

Ехал как-то Рогулин на своем ДТ с дедком Фурстовым полем. Да недалеко от деревни сломались. Пришлось чинить железного коняку. А осень на дворе, холодно, дождь мелкий и нудный за шиворот норовит попасть. Тут и вспомнил наш герой про подарок затев.

Притащил он парашют, натянул над трактором, переноску под куполом включил - ай да зять у Рогулина - тепло, сухо. Чинят они с дедком Фурсто-

вым агрегат при полных удобствах, от азарту да жизненного удовольствия слова всякие крепкие применяют. Тут уж смеркаться начало, а им что? С фонарем-то.

Только шли из магазина дорогой той бабы с ношами. Вот поднялись они на взгорок - да так и сели. На поле, рукой подать, летающая тарелка приземлилась. Внутри ее огонь горит, тени мечутся и слова нерусские слышны. Потом как взревет эта тарелка, затрещит, что уши заложило. Подхватили бабы котомки, не помнят, как и домой принеслись.

В деревне компания народу любопытного насобиралась, побежали на пришельцев глазеть, а тех уж и след простыл. Один Полинар с дедом Фурстовым на тракторе едет.

ТЕНЬ МАМОНЬКИХ ЛЕБЕДИ

Еще совсем недавно деревня Большое Зауломское и впрямь была большой. В лучшие ее времена здесь было до сорока пяти дворов. Уже несколько веков стоит она на озере Уломском, которое является частью древнего водного пути из варяг в греки, соединяющем северные моря с южными. Испокон веков занимались здесь бурлацким промыслом да сеяли хлеб, жили справно. Но сегодня доживают свой век в Большом Зауломском три ее последних жителя.

Николай - единственный на всю деревню мужик. Ему около пятидесяти.

Его жена Валентина, возраст которой определить невозможно. На мир смотрит сквозь толстые стекла очков, но смотрит весело, хотя судьба ее складывалась непросто, но мы об этом умолчим и скажем лишь, что по образованию она ткачиха.

Драгоценная их соседка Нина Николаевна, отдавшая силы лесному комплексу, ныне пенсионерка. Но свои имена они не часто вспоминают. В округе их знают больше как Ковсик, Лявсик и Мормышка. Такие прозвища они сами себе придумали. Зачем? А чтобы, говорят, веселее жить было.

Лявсик, Ковсик и Мормышка - мои друзья. Время от времени наезжаем мы сюда с оператором

Володей Ильиным и пытаемся с помощью телевизионных средств помочь им в их нелегкой жизни, когда в одночасье рухнули гарантированные социалистические блага и на страну хлынул девятый вал дикого нерегулируемого рынка.

Трудно сегодня всем, но герои наши оптимизма и юмора все же не теряют.

Вот Нина Николаевна, она же Мормышка, заглядывает в камеру оператору и удивленно восклицает:

- Ой, я сама себя вижу там. Вон я стою. Вон, вон. Какая я крупная... Стою, как Баба Яга.

Она картинно закуривает перед объективом ходовую в деревне «Приму» и комментирует тут же:

- Ну, как? А вот курю-то, так, интересно, снимут меня? У машины-то. Скажут, у Нинки и машина есть... Крутая! А вот вы бы раньше видели меня, вот тогда крутая была. Бывало, из лесу приду, пол-литру выпью и ни в одном глазу. А уж петь да плясать со мной не тянись... А теперь, чего уж, годы...

- Грех жаловаться, - возражаю я. - Вон про тебя на озере легенды ходят. Говорят, что больше тебя никто рыбы здесь не ловит.

- А вот мы сейчас на лодке поедem в озеро, там и посмотрим, - предлагает она азартно. - Я кол возьму, веревочку, чтобы не крутило. А сзади-то сарафанчик-то рваный. Не беда, если в кадр попадет?

Она подмигивает лукаво оператору и, подняв голову, показывает на горло:

- Тут у меня ничего нет?

- Да вроде ничего нет, - отвечает недоуменно оператор.

Нина Николаевна щелкает по горлу плохо гнущимися пальцами:

- Нету, говоришь? А надо бы...

Впрочем, говорит она это больше для прикола. Чего греха таить, в свои семьдесят лет выпить Нина Николаевна не прочь, но ума не пропивала никогда. Для веселья да для сугрева стопочку, две, а то все пять выпьет, только румянец на щеки выкатит. Лесная закалка!

Наконец, едем на озеро рыбачить. На веслах Нина Николаевна. Мне весел не доверяет. Мало ли чего, народ городской, необученный... Едем не близко. А смотрю, бабушка моя веслаться не устала и дыханье ровное. Гребет и байки про себя рассказывает:

- Раз я рыбачу, то меня и зовут Мормышка. Это мне очень нравится. А еще прозвище есть: «Веслалась баба Йога». Лодка у меня была деревянная, а весел не было. Так я лопатой гребла. Вот и прозвали так. Но рыбы всегда ловила много.

Но вот из плавней вынырнула другая лодка.

- Вася! - окликает паренька в лодке Мормышка.

- Плыви сюда! Покажи, много ли набрал яиц.

Вася передает нам пластмассовое ведро, на треть полное крупными, серыми в крапинку яйцами.

- Это яйца чайки, - поясняет нам Мормышка. - Они вкусные, хоть жарь, хоть так вари. Мы их порой по ведру собираем. Все равно много чаек погибает маленькими. А нам к пенсии какое подспорье!

Она горестно вздыхает:

- А как жить? Как жить-то? Пенсия шестьсот с маленьким. А дров надо, хлеба надо, крышу крыть надо. А кусок рубероида 160 рублей! Вот озеро и спасает.

Она принялась вспоминать свои рыбацкие подвиги:

- В феврале здесь я поймала двенадцать щук. Одна щучина, наверное, килограммов на пять была. Я испугалась и от рыбины убежала.

А по весне все молила, чтобы лещ не клюнул. Клюнет, у меня все оборвет, заревлю, пойду домой...

Наконец она остановила лодку, закинула удочку. Клев пошел обалденный, и я едва успевал снимать лещей да подлещиков с ее крючка. Ведро наполнилось в полчаса.

- Все, - скомандовала Мормышка. - Едем домой, жарить будем, котов кормить. Коты меня встретят с радостью. Особенно Килограмм! Этот сытости не понимает. Мы его с Лявсиком в сетке вешали - шесть килограммов вытянул.

Она садится за весла и запекает на все озеро Уломское:

Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя не катал...

Еще один встречный в озере. С нами к берегу подплывает другая лодка, на корме и носу которой горы зеленого озерного мха.

Это промысел Ковсика.

- Все лето мохом и занимаюсь. Больше нечем заработать, - докладывает он.

- Что за мох такой в озере, зачем ты его добываешь?

- Берут вместо пакли. Пакли тоже сейчас мало, не продают. Вот у меня и покупают. Я и есть знаменитый на весь район моховик, даже и в области знают. Этот мох хорошо идет на строительство, болотный гораздо хуже. Вот я и езжу, черпаю в озере вилами этот мох да на берегу сушу.

Летом - благодать. Деньги сами на озерном дне растут, знай вилами черпай, не ленись. А мох из озера Уломского непростой. В редком озере такой встретишь. Он имеет свойство в сухом виде как бы замирать. Но стоит лишь образоваться меж бревнами щели, стоит лишь влаге туда попасть, как он начинает расти, пока этот паз или щель не заполнит, и снова замрет. Дома на зауломском мху стоят по сто лет и более.

Мормышка с Лявсиком чистили в заулке огромного леща.

- Я и печенку в уху кладу, если без желчи, - делилась Мормышка. - Вон жиру-то сколько... Не пропадем. На огороде картошка вырастет, капуста...

Вечером по случаю нашего приезда, а также удачной рыбалки в Зауломском собралось застолье. Сидели у Нины Николаевны, немного ели, немного пили, но веселились на всю катушку.

Лявсик пела про остров невезения в океане и танцевала. По худым ногам ее хлопали голенища резиновых сапог, но танцевала она здорово. Нынешней молодежи, попади она на современную дискотеку, за ней не угнаться. Ковсик подпевал, Мормышка была на подтанцовке.

- Бабушки зауломские еще ничего, - хвалил Ковсик.

Потом Мормышка играла на языке «русского», и они плясали с Ковсиком, но Лявсик все порывалась станцевать ламбаду и мешала патриотически настроенным Николаю с Ниной Николаевной.

Наконец устали и сели за стол с разговорами о житье-бытье.

- Вот так и живем мы, - сказала Лявсик. - Пенсии у нас нет. Летом - моховики, а зимой - лесовики.

- Нету работы, нету, - поддержала Мормышка. - Прежде-то мы с Колей на дворе убирались, а теперь и скота нет, и колхоза тоже, все развалилось.

Повздыхали. За окном стало не ко сроку темно. Накатывали с севера холодные снеговые тучи. Сиротливо стыла на ветру старинная часовня Петра и Павла о трех стенах, готовая вот-вот упасть.

- Ну, а о чем бы помечтали?

- А посидеть бы в хорошей компании, с хорошими людьми, попеть бы песен народных и хороших тоже, - сказала Мормышка.

А Лявсик к вопросу серьезно отнеслась:

- Вот наша родная часовня, Колю в ней крестили. Мужа Нины Николаевны крестили. Помог бы кто с материалом, восстановить бы часовенку.

- Это надо обратиться к губернатору, - сказала Мормышка. - Пусть он нам даст помощь. Всего-то тысячу или полторы надо.

- На вино, наверное, - сказал я некстати.

Мормышка даже обиделась:

- Ну, нет... Почему это на вино?

- Без вина сегодня ничего не делается...

- Правильно, правильно, - поддержал меня Ковсик.

И Лявсик поддержала:

- Анатолий Константинович, я с вами согласна. Денег не надо, материал нужен. Летом с отпускниками бы сладили. Но церковь надо. Отреставрировали бы, батюшку бы пригласили, освятили...

Мы хотим, чтобы христианская вера наша восстала.

- Тянет к Богу-то?

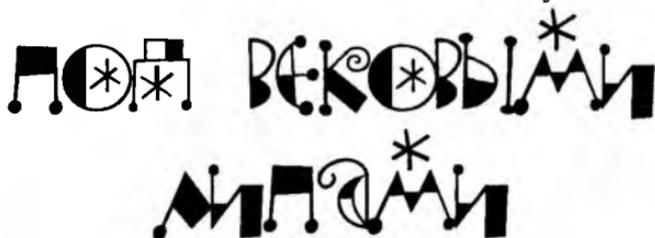
- Тянет! - с жаром сказала Мормышка. - Еще как тянет. Не все матюкаться да грешить... Перед Богом я бы перекрестилась, чтобы Бог дал здоровья, а то ведь все одна, все одна. Копаю, дрова покупаю, ниоткуда помощи нет... А у меня крыша-то... Бог-то видит, кто кого обидит.

...И они дружно и трогательно запели про деревеньку-колхозницу. А потом Лявсик учила Мормышку танцевать:

- Вот бери пальцы нежно, ноги ставь вот так.

Ноги у Нины Николаевны в сапогах и штанах с начесом плохо слушались, но все же она сделала пальцы и ноги так, как учила Валентина, соседка ее, и в тесной избенке ее под аккомпанемент языка закурил нас танец маленьких лебедей.

За окном, треснутом и заклеенном старыми газетами, уже начиналась метель. Снег падал на луг, ветер срывал с деревьев листья, залетал в окна разрушенной деревенской часовенки.

- Баня она по санитарной части полезна! - сказал он веско и прихлопнул друг о дружку березовыми поленьями. - Попаримся!

Сухие поленья отозвались веселым звоном. Тотчас под черным, обложенным камнями, котлом вспыхнули старые веники, горьковато-сладкий дым пополз по закопченным стенам и вывалился в дверной проем на улицу. Вместе с дымом вывалился на улицу и я, вдохнув всей грудью настоящий на цветущих липах деревенский воздух.

Была пятница - банный день. У соседней баньки, топившейся по-белому, сидели на лавочке две юные красавицы лет пятнадцати и что-то помещивали железным прутом в старом чугуне.

- Чего делаете-то, девчонки? - праздно поинтересовался я.

- Мужиков ждем! - отвечали они с некоторой ленцой в голосе.

- Экие соплюшки, - опешил я. - Мужиков они ждут! Неужели и в деревне нравы до такой степени пали!

Но тут Пронин, гремя ведрами, вылез наружу, и мы пошли к дому на колодец.

Колодец у Пронина был уникальным. Глубокий, с чистойшей и вкуснейшей водой. Полдеревни

ходит к Пронину на колодец. И воду черпать легко: журавль поставлен - длинная жердь, на одном конце которой гусеничные траки привязаны, на другой - ведро на цепи. Цивилизация!

- Вот в прошлом году вычистил и шестнадцать рядов подрубил, - похвастался он, доставая воду.

Тут еще звякнули ведра. Старая женщина в выцветшем рабочем халате и резиновых сапогах пришла на колодец.

- Это Ольга Лунева, соседка моя, - доложил Пронин. - Девяносто годов уж Ольге-то.

- Восемьдесят девять, - поправила она обиженно. - Немного еще. Брал бы замуж-то.

- Я тебя, Ольга, взять не могу, - серьезно отвечал Пронин. - Хозяйство у меня большое, да еще расширять задумал. Мне тягловая сила нужна.

- Тогда кобылу надо брать, - хохотнула соседка и уточкой направилась через дорогу к своей избе.

Пронин постоял, раздумывая над бабкиными словами, и ничего не ответил. Наверное, соседка была права. Только огород пронинский требовал ежедневно до сотни ведер поливной воды... Но зато и перло на огороде все, как на дрожжах. И огурцы, и помидоры, и капуста, и свекла, и лук. Одного лука было восемь гряд посажено. Картошки... соток десять. Девять ульев вдоль огорода шеренгой, день-деньской пчелы по окрестным лугам мед собирали, гул стоял, что на аэродроме.

Сам Пронин, что пчела трудолюбивая. Зимой верши плетет, весной на заливах рыбой запасается. Осень придет - грибов, ягод натаскает и себе, и

людям. Песеннице Александре Пахмутовой послочку отправит с клюквой за особые заслуги.

Всего вдоволь в хозяйстве Александра Пронина. Одна беда - хозяйки нет. Прежняя померла, оставила. А новые не приживаются. В хозяйстве Пронина вовсе не курорт. Нежиться да потягиваться недосуг.

...Баня тем временем дымила уже, как броненосец «Потемкин». Начали таскать воду, заполняя ставший, кажется, бездонным котел. Девчушки все еще сидели на лавке и, словно бабушки-ведуньи, варили какое-то зелье в старом чугуне. Каких таких мужиков ждали они у бани? Зачем? Этот вопрос доконал меня вовсе.

Тут Пронин поставил на землю ведра и подошел к девчонкам. Вслед за ним и я подрулил. В чугуне у деревенских красавиц горел бездымно нежаркий огонь.

- Я дак их давеча целое ведро набрал, - сказал Пронин одобрительно. - Тоже карасином залил.

- Кого это ты керосином-то заливал? - удивился я.

- Дак каларада этого. Спасу от него нет. Токо в карасине и жечь...

- А вы чего такое жжете в этом чугуне? - снова спросил я девчонок, обрадованный подкатившей вдруг догадкой. Они поглядели на меня с недоумением:

- Мы жуков тут жгем! Колорадских.

... Пока топилась и настаивалась баня, Пронин знакомил меня со своим родовым домом. Дому этому больше века. Под вековыми липами стоит

как стопочка, не качнувшись, настоящая крестьянская крепость в шесть окон по переду, с высокой подклетью и мезонином под крышей.

Александр Пронин - потомственный плотник. И на пенсию уходил из плотников. В Вологде трудился в железнодорожной системе. После выхода на пенсию, можно сказать, началась новая жизнь - крестьянская. С полным напряжением. А что? Здоровье хорошее. Не пьет, не курит. Одна беда - без сударушки.

- Ты хоть бы про меня объявление в газету дал, - попросил он между делом. - Может, какая охотница до деревенской жизни и сыщется...

Я обещал поспособствовать, отметив, впрочем, для себя, что практически все мои знакомые, истово занимающиеся сейчас крестьянством, без сударушек живут. Не та, видимо, женщина пошла. Городские блага для нее важнее. А может, я и не прав. Просто не попадались на моем пути такие женщины, верные крестьянской традиции.

...Свой деревенский дом Пронин называет пятистопным. Первая стопа - жилая, вторая - сени или коридор, три остальные - хозяйственные. Последние - самые интересные. Здесь у Пронина целый музей крестьянского и плотницкого инструмента. Одних топоров...

- Вот этот топор у меня ведущий, - продемонстрировал Александр сверкнувший сталью первый из собрания. - Видишь, топорище у него длинное и прямое. Это чтобы удар был покрепче, и чтобы я, не сходя с места, мог дотянуться всюду. А это вот -

заместитель ведущего. А это помощник заместителя. А это...

Скажу сразу, что топоров у Пронина около сорока. И все они приведены в полную готовность: насажены, наточены и ждут своего часа.

- Я своими топорами могу совхозную бригаду снарядить. Если это нужно. А вот нужно ли? Мне ведь тоже столько инструмента незачем. А вот берегу...

Потом Пронин повел меня в подклеть и там окончательно сразил своей хозяйственностью. В подклети, как на параде, стояли, лежали, висели предметы крестьянского обихода. И каждый из них был многократно повторен.

Висели на гвоздях надраенные яловые сапоги, летние сандалеты, новые еще неношеные валенки, шапки-ушанки, полушубки, корзины для грибов и ягод, комбайны для клюквы и брусники, котелки для походной жизни, кротоловки и капканы на лис и волков, плотницкие инструменты и отполированные руками тяжеленные ломы.

- Это незаменимый инструмент для хозяйственных работ в деревне, - пояснял Пронин. - Видишь, какие они острые, я их закаливал электротокком в Вологде. Я этот инструмент очень берегу.

Пронин берег в своем хозяйстве все подряд. Три деревянные бочки стояли посередь подклети на подставках.

- Сделаны мастерами-липовцами, - комментировал Пронин. - В одной капусту квашеную храню, в другой - грибы. А в третьей...

Он приподнял крышку этой огромной бочки.

- В этой соль каменная. Больше ста лет соли-то. Еще до революции дедами да прадедами запасена. Берегу!

Но главный подвиг Александра Алексеевича Пронина состоит в том, что он спас и сберег для потомков деревенскую красавицу часовню. Часовня та уже в труху было превратилась, один купол от нее уцелел. И вот Пронин долгие пять лет занимался ее реставрацией. Нарубил в лесу бревен, напил тесу, фундамент заложил, на него сруб поставил, на сруб купол водрузил. А крест в Вологде в кузне сковал.

Мы пошли с Прониным к часовне. Он открыл ее своим ключом и пригласил меня внутрь. Стены часовни излучали солнечный свет, пахло сосновой смолой и сенокосом. Было уютно и покойно. Пронин постучал по ковanej решетке кулаком.

- Все крепко. Нигде ничего не шелохнется. Сделано на века! Пусть останется всем добрым людям от меня на память.

После бани мы сидели с Прониным на лавке у дома. Пронин играл на гармошке и старательно пел известные эстрадные песни. Про Вологду, про речку, которая по камушкам бежит, про Победу... Но пел он их по-особому.

- Я, можно сказать, тоже автор этих песен, - лукаво подмигивал мне Пронин. - Думаю, что они сначала у меня в душе родились, а потом уж их композиторы да поэты сочинили. Большое им спасибо, что сберегли и сохранили народную душу. Спаси-

бо Раймонду Паулсу, Александре Пахмутовой, Кобзону и Лещенке спасибо. Приехали бы, что ли, ко мне, погостили, старое помянули.

Что ж, композитор Глинка когда-то говаривал, что, мол, не композиторы музыку сочиняют, а народ. Композиторы только ее обрабатывают. Может, кто из них и звучавшую в душе Пронина музыку услышал и сделал ее всенародной.

И он заиграл русского. Забористого и частого, под которого ноги сами в пляс идут. И спел свою коронную:

А на курительной бумажке
Нарисую денежку...
А выберу себе на пару
Я любую девушку.

Может, и услышит какая сударушка? Откликнется. Тихо на деревне Липовицы...

Кирилловская

Кирилловские гармони славятся и по сей день. Добыть кирилловскую гармонию во все времена было делом чрезвычайно трудным.

- Цены нет! - старый гармонист Виктор Рассказов достает из своей гармонной коллекции самую неказистую.

- Пришел из армии, надо жениться. А как без гармони женишься. А чтобы хорошо жениться, нужна кирилловская. И пошел я пешком в Кириллов. Это километров сто вдоль Шексны лесами да болотами. Все взбудил. Нету гармоней. Мастеров при одном упоминании в дрожь бросает. Делать нечего, надо не солоно хлебавши оглобли поворачивать.

Иду. Темнеть начало. В одной деревне захожу в крайний дом. Сидит мужик на лавке.

- Ночевать можно?

- Ночуй.

Гляжу, на комод под накидкой гармонию.

- Играешь?

- Нет.

- Дай сыграть!

Взял ее: «Мать честная! Вот она!» Из рук не могу выпустить.

- Продай!

- Нет, что ты! - поднялся.

Я в магазин. Беру три бутылки. Сели, выпили.

Я играю, он пляшет. Одну уговорили.

- Продай!

- И не проси!

Вторую осушили.

- Продай!

- Не могу!

Пошли на третью.

- Продай!

- Ладно. Давай четыреста. И уходи. Скорей. Не то баба моя с фермы придет, отберет обратно.

Я гармонь под мышку и бегом. Километров десять рысью отмахал. Дальше леса да болота пошли. Развернул меха и - с песнями.

Слышу, кто-то сзади на лошади едет. Догоняет молодуха. Поглядела на меня внимательно.

- Давно, - говорит, - сзади еду. Добро играешь. Садись, что ли.

Забрался я на телегу, подсел к ней на грядку, развел меха. Я играю, она поет.

Утром уже спрашиваю:

- А ты куда едешь-то?

- Да вот, - говорит, - хотела тебя догнать да гармонь забрать тятину. Да больно хорошо играешь, заслушалась.

Рассказов замолчал, погладил гармонь и пустил сверху вниз лихой перебор.

- Вот она, голубушка!

- Ну, а хозяйка ее, уехала?

- Ну-у... Вон она за самоваром сидит. От кирилловской гармонии еще ни одна не уходила.

Свинарка и пастух

На магазине появляется писанная чернилами афиша: вечером в клубе будет демонстрироваться кинокартина «Свинарка и пастух».

Вот уже несколько лет подряд в кино, даже на самые захватывающие фильмы, ходит не более пяти человек. Старик Ионов, крестьянин интеллигентного склада, прочитавший в библиотеке всю мемуарную литературу, заведующая почтой молодая вдова Зоя, бесшабашная доярка Верка, не уехавшая из деревни лишь потому, что с четырьмя классами в городе делать нечего, жена киномеханика, продающая билеты и хранящая выручку, чтобы не сгинула в мужниных руках, да какой-нибудь отпускник.

Но на этот раз клуб оказался битком набит. Собралось, кажется, все деревенское население, и даже дед Петро Стогов пришел, стуча своим посохом по скрипучим ступеням клуба.

И вот на экране ухоженная северная деревня, березовые перелески, высокие дома с резными крыльцами, прометенные улицы, полные молодости и веселья. Бойкая босоногая свинарка - Марина Ладынина и красавец-парень - Николай Крюков, растягивающий меха гармошки:

Стоит мне милашке Глашке
Левым глазом подмигнуть,
Как ко мне милашка Глашка
Камнем падает на грудь.

Когда закончился этот фильм, в зале стояла полная тишина, лишь слышно было, как трещат папиросы у мужиков, дымивших у порога.

Народ не поднимался с мест. И тут раздался чей-то голос:

- Анатолий! Рязанов! Крути по новой!

И снова появились на экране Марина Ладынина и Николай Крючков с гармонью, деревенские улицы, полные молодости и веселья, и снова зал затаил дыхание.

Гармонист Василий Невзоров рассказывал:

- В Финскую это было. Я в разведке служил. Шинелишка у меня износилась, прожжена, осколками побита. Старшина и говорит: «Невзоров! В разведку пойдешь, получи новую шинель. А то, не дай бог, в такой шинели в плен попадешь, так перед неприятелем стыдоба...»

ВОЛОГОДСКОЕ ДОСТОЯНИЕ

Как-то рано утром в дверь гостиничного номера в Вологде постучали.

Геннадий Заволокин открыл и увидел перед собой высокого костистого старика с длинными, белыми, как снег, волосами. Старик ломанул с головы шапку и неожиданно упал перед Заволокиным на колени, крестясь и отбивая земные поклоны. Геннадий было опешил: не полоумный ли гость посетил его?

А старик тем временем творил самодельную молитву:

- Заступник и спаситель русской гармонии, души русской, не прогневайся, не гони старого гармониста Василия Невзорова, по прозванью Квашенка. Вели выслушать, а уж потом суди.

Достал старик из заплечного мешка полыхнущую лаком (спецзаказ!) гармонь, склонил седую голову к малиновым мехам и повел старинную прадедовскую:

Карюшко бежит,
Колеса катятся,
Милушка далеко.
Недогаркаться-

Как-то приехал ко мне режиссер из Москвы. Снимали они астафьевскую «Оду русскому огоро-

ду». И вот понадобился хороший колоритный гармонист. Я сразу же о Василии Васильевиче Невзорове подумал и отослал к нему киношников. Только они вскоре ни с чем вернулись.

- Отказался, - говорят, - старик сниматься, как ни уговаривали.

А тут дверь отворяется и сам Невзоров на пороге.

- Что же это ты, - говорю, - Василий Васильевич, мужиков-то не приветил?

- А-а, - отвечает, - игра-то моя есть вологодское достояние. А они, боюсь, разнесут ее по свету, замусорят, отредактируют... Вот я к тебе и приехал за подтверждением: надо ли записывать?

Сам себя Невзоров считал на Вологде первым гармонистом. И в любом конкурсе или съемке старался последним выступить, чтобы за ним слово последнее осталось: как говорится, гвоздь забит и шляпка откушена.

Но как обычно на старика пленки у телевизионщиков не хватало. Всех покажут, а его, лучшего, нет. Обидно, конечно. Но и в той передаче у Заволокина упросил старик снимать его последним. Я ему мигаю, мол, забыл: у них пленки всегда в обрез - останешься без всесоюзной славы. На что старик тоже хитро подмигивал и рукой так успокоительно помахивал. И вот последний день съемок. С утра мы заехали с Геннадием к Невзорову. Старик сиял:

- Вечером, ребята, посидим, отметим это дело.

Он подвел нас к кровати, приподнял подзор. Под

кроватью парадно блестя головками два ящика водки. Заволокин схватился за голову.

- Ради Бога, Василий Васильевич, спрячь это по-дальше. У меня такие орлы есть, что не улетят, пока все не прикончат.

Вечером съемки. Невзоров показывает толстую общую тетрадь.

- 500 произведений! - в голосе его решимость сыграть все.

А дальше было чистое кино. Пленка через полчаса у оператора, как и полагается в последний день, кончилась. Но старик не стушевался. Из-под кровати извлек огромную коробку с пленками для фотоаппарата.

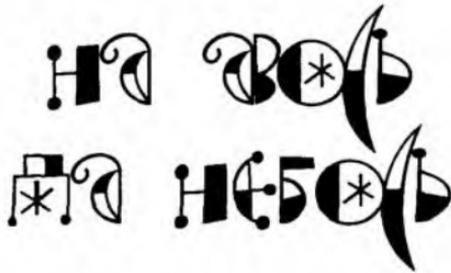
- Снимайте дальше, - довольный произведенным эффектом, произнес Невзоров. - Не пожалел пенсии для истории.

Ну и лица же были в тот момент у всех. Жаль, заснять было не на что.

...Помню последнее выступление Невзорова. Это было на областном фестивале. Старик и в этот раз остался верен себе. Выступал последним. Вышел он на сцену со своей полыхающей лаком гармонью, сел на стул, помолчал и говорит в зал:

- Я, ребята, наверное, скоро помру. Но я и там, - поднял он кверху крючковатый палец, - на небе сыграю вам. Вы только слушайте!

Бывает, ночной порой выйду я на улицу и вспомню наказ Невзорова. Гляну на Млечный Путь, прислушаюсь, и чудится: будто где-то далеко в глубинах мироздания звучит тихо невзоровская гармонь.

Бывалые люди рассказывают, что воевавшие с нами немецкие генералы очень возмущались тем, что с русскими невероятно сложно воевать. Прямо-таки невозможно. Доносит, скажем, германская разведка, что в таком-то месте в означенное время должен появиться советский полк номер, дробь и т.д. Немецкие стратеги и тактики стягивают к этому месту и времени артиллерию, бронетехнику, пехоту и в точно обозначенное время начинают детально гвоздить означенный квадрат. И когда, казалось бы, от противника не должно здесь остаться живого места, вдруг с тыла раздается русское «Ура!» и пораженные немцы попадают в плен того самого полка, который «разгромили». Причем и та и другая сторона этим сильно озадачены. Поскольку по дороге к вышеозначенному квадрату кто-то перепутал команду, кто-то забыл уточнить координаты, полк заблудился и совершенно неожиданно оказался в тылу противника.

Может быть, это шутка, но истины в ней хватает. В отличие от пунктуальной Европы, как жили мы на авось да небось, так и живем.

Гостил у меня доктор из Австралии. Русский. Два месяца ему было, когда родители увезли из Советской России. Так что, прожив шестьдесят лет, Рос-

сии он не видывал, постигал ее впервые. И решил я ему устроить путешествие на приличном таком катере с салоном и каютой. Друг мой, старый капитан, должен был его перегонять через озеро Кубенское, через старинную систему шлюзов Северодвинского водного пути, Волго-Балт, и наконец, в поселке Шексна я должен был встретить катер и машиной отвезти гостя к себе.

Австралиец Алексей Шандарь был в восторге от такого предложения: в один рейс, без всяких долларов увидеть столько чудес - и Прилуцкий, и Спас-Каменный, и Кирилло-Белозерский монастыри, и открыть для себя природу Севера России, понять характер русского сверстника - веселого, бывшего речного капитана Шарыгина.

В восторге был и последний. Может быть, впервые в жизни приходилось ему так близко общаться с загадочным иностранцем из загадочной страны.

- Доставлю в лучшем виде! - докладывал он мне.
- Не посрамлю Сухонского пароходства!

- А все ли ладно с двигателем? - поинтересовался я на всякий случай. - Всем необходимым укомплектовано судно?

- Обижаешь... - оскорбился было капитан, но развел меха старенькой кирилловской гармошки, дал лихой перебор и я успокоился.

С легким сердцем пожелал им семь футов под килем и через сутки к назначенному сроку выехал в Шексну. Однако судно задерживалось. На час, два... На пять... На десять часов. Уже было темно, и я начал не на шутку волноваться. Но вот, наконец,

знакомый стук мотора, сирена - и наш ковчег подваливает к причальной стенке.

Первым появился сияющий капитан Шарыгин. Но надо было видеть нашего русского австралийца! Он был ошарашен, он был потрясен и уничтожен одновременно!

- Это фантастика! - восклицал он. - Он теперь мой друг, и я могу сказать откровенно: большего в жизни разгильдяя я не видел! Но я не видел человека и более талантливого! Он вышел совершенно неготовым в путь. Все ломалось, горючего не было, продовольствия тоже. Но он беспечно играл на гармошке, пел свои бесконечные короткие песни на все озеро и умудрялся тут же, на ходу, из ничего, как господь Бог, творить чудеса.

В какой-то емкости сварил ухи, из ракушек сделал ложки, но горлышко было слишком узко, чтобы из него кушать. Я думал: все, тут он не выкрутится. Ничуть. Не глядя, он поднял руки, открутил плафон светильника, сполоснул его за бортом - и получилось блюдо. А надо было видеть, как на полном ходу он заворачивал болт во вращающийся шкив! Этого практически быть не может!

Они расстались, эти два русских сверстника - один из Вологды, другой из Австралии - большими друзьями.

Позднее Шандарь говорил мне:

- Если бы русскому человеку придать английской сдержанности и немецкой пунктуальности, то он был бы недосягаем.

У МЕНЬШЕВЦА НА БОРУ

Как-то летом у нас на бору в крохотной избушке поселились вздымщики - сборщики сосновой смолы, некогда ценившейся очень дорого. Нынче этот промысел едва теплится, потому как заработать сбором живицы на жизнь трудно. Надо побегать по лесу, надо попотеть.

Для связи с цивилизацией устроили вздымщики в избушке радио, антенну вывели на крышу. Уйдут поутру на делянки, а радио вещает на весь лес: про политику, говорит экономические прогнозы, а больше всего музыкой современной глушит. А музыка такая, что от нее через пять минут зубы ныть начинают.

И вот возвращаются вечером мужики с делянок и видят, что антенна их повержена и приемник валяется на полу. Поматюкались и снова наладили радио. И снова на весь лес заголосило оно про светлое будущее и рыночные отношения.

Приходят вечером мужики в избушку: да что такое? Опять антенна с крыши сдернута и приемник валяется.

Решили злодея поймать да проучить. Антенну поставили, а сами на нары забрались караулить. Радио на весь лес голосит, старается. Часа два прошло, наконец, старший вздымщик с нар скатился,

схватил радио и... об пол: «Хватит врать, семя крапивное!»

Спустя какое-то время встречаются на бору грибника с корзиной.

- Вы, - говорит, - ребята, поостерегитесь. Третьего дня я у вашей избушки самого Михаила Потапыча видел. Антенну с крыши сдернул, залез лапой в окошко и шурудит там. Экий-то злющий. Ему вашу избушку раскатить, как комара прихлопнуть.

- Это он радио выключать приходил, - сказал со знанием дела старший вздымщик. - Это ж надо? Медведя и того достало!

РЕМОНТ В ПУТИ

Ближе к вечеру прикатил в деревню посыльный на тракторе. На середине пути пропадали немецкие охотники. Выехали они на двух машинах: русском грузовом вездеходе «ГАЗ-66» и собственном «Мерседесе»-вседорожнике. Дорогой «мерс» загорелся. Едва потушили. Какое-то время тащили его буксиром. Но потом и у вездехода-грузовика отказали тормоза.

Да, картина была удручающая. У «немца» лопнул диффузор в карбюраторе, произошел перелив бензина, а потом вспышка. Выгорело все, что могло сгореть. Бывший здесь представитель фирмы «Мерседес» утверждал, что машину можно восстановить только на заводе-изготовителе в Германии или, на худой конец, в Москве на специализированной станции. Охота пропадала.

Но тут пришел местный Кулибин в очках, стянутых резинкой, заглянул в мотор, хмыкнул иронически и запросил за ремонт литру...

Часа два спустя машина была готова. Диффузор деревенский Кулибин склепал из медной трубки, воздухозаборник на карбюратор соорудил из консервной банки «Килька в томатном соусе», шланги и провода погодились отечественные. Примотали все это где на скотч, где на проволоку, и вот уже загудел мотор. Немцы от такого народного творчества были в потрясении. Каждую операцию на

видео пленку сняли. Говорят: в Германии как сенсацию станем показывать.

Наши тем временем русским вездеходом занимались. Сняли они колеса, а там в тормозной системе на тормозном цилиндре резиновые манжетки прохудились. Казалось бы, пустяк, да где взять?

- Братцы, - говорит один, - вот если бы у меня были, простите за выражение, презервативы, то я бы эту проблему враз решил. Только где возьмешь эти резинки в такой глуши? Тут ими, наверное, отродясь не пользовались.

Немцы заволновались, снова за камеры схватились, а представитель «Мерседеса» полез в карман и достал из него целую пулеметную ленту этих изделий.

- Возьмите, - говорит, - только разве это может быть совместимо?

Наши обрадовались, скорехонько ножницами ободки отстригли - и на цилиндр. Тютелька в тютельку! Быстренько колеса на грузовик поставили - работают тормоза! Еще как!

Тут представитель немецкой автомобильной фирмы посерьезнел и попросил слова:

- Я хочу сказать, что Гитлер, Наполеон, Чингисхан были полными идиотами, когда решали покорить русский народ. Потому что ни одному немцу, ни одному французу или монголу и в голову не придет, что с помощью резиновых изделий интимного назначения можно починить тормоза такого огромного грузовика. Этот народ непобедим!

ЛЮДИ НА БОЛОТАХ

Мой старинный друг, один из лучших гармонистов России Константин Пирожков, частенько жалуется на свою судьбу: куда бы ни шел ни ехал - все с гармонью. Люди отдыхают, поют, пляшут, а ему все работа: играй без остановки и устали.

Уж где-где, даже на охоте, и там ждут Константи́на с гармонью.

Однажды поехали на гусеничном вездеходе на болото за клюквой, все сидят жизнью наслаждаются, один Костя при работе - в гармонь жарит.

Ладно. Приехали на болото и решили пока клюквы не собирать. Развели костер, достали горючее и ... пошло веселье.

- И вот, - рассказывает Константин, - представь такую картину: ночь, на небе звезды, как уголья, костер горит, кругом тени мечутся. Я играю на гармошке, а мужиков пять или шесть пляшут на болоте. Болото зыбает, мужики по колено тонут, а все равно пляшут. Никому не хочется уступить... Каждому свое колено нужно выкинуть... А попляши-ка на болоте!

Вот тогда-то я первый раз и порадовался: как хорошо, думаю, что батька когда-то продал корову и купил мне гармонь. А то и я бы вместе с ними плясал сейчас на болоте...

На фестивале «Играй, гармонь!» в Иваново подходит Настя Заволокина и обращается ко мне, как к старому другу:

- А кого вы к нам, Анатолий Константинович, привезли на фестиваль?

- Вот, - говорю, - Константина Пирожкова!

- А чем он у вас на Вологодчине знаменит?

- О-о, мало того, что он лучший гармонист, так он еще и охотник, и рыбак, и плотник, и настоящий мастер на все руки... Да еще и пасечник!

- Как интересно, - говорит Настя. - Даже пасечник!

Тут я решил для куража бухтинку загнуть:

- Пасечник да еще какой! Он вывел для Севера особую породу пчел. Морозостойкую.

- Даже так? - удивляется Настя. - А что они из себя представляют эти пчелы?

- Они, - говорю, - очень крупные, обросли густой шерстью, чтобы не мерзнуть. Костя им рукавицы-шубенки пошил и валенки скатал, чтобы у них зимой руки-ноги не мерзли...

И как-то у меня это убедительно сказалось, что чувствую - перегнул. Поверила Настя про существование зимних пчел.

- А где же они мед зимой собирают? - спрашивает.

- А по чужим омшаникам да подвалам, у других пасечников.

Настя засмеялась, а Пирожков, вижу, и пообиделся.

Я ему потом говорю:

- Ты уж извини, шутка это была.

- Шутка-то шутка, да у нас народ почему-то все буквально понимает, - говорит удрученно.

И верно. Прошло какое-то время после передачи, Константину письма стали приходить: как бы заполучить у него на развод этих зимних пчел... Большие деньги предлагали.

- Ты, поди-ко, милушко, думаешь: раз у Полинара экая бабка-зазуба, так у него и девок хороших не было? О-о-о! Да я столько перетер, тебе и не снилось... Знаешь, сколь после войны свободного женского полу оставалось. Я, правду сказать, и подзакрылся...

А ты, бабка, помолчи. Не с тобой разговаривают...

Так вот, милушко, вернулся я с флота. Знаешь, какой я тогда высокий да красивый был... О-о-о! Брюки клеш, на голове - кудри, что папаха баранья... Девки с ног валились. И на вот тебе - женился на этакой страшной да злющей... Ну, что ты мне слова не даешь сказать, старая... Нынче не прежние времена. Демократия! Каждый имеет право высказаться... То-то... А ты, милушко, наливай, на-

ливай... Я на телевизоре-то не впервой. Знаю, что сказать...

Так вот, про девок-то. Я ведь, милушко, в лесу стахановцом работал. Так ведь я воды-то не пивал, не пивал воды-то. У меня под койкой вина меньше ящика не стаивало... А тут Ванька Гришин приехал ко мне. С гармоньей. Собрали вечеринку и все запасы мои за вечер улетели. А как дальше жить, если до полочки чуть ли не месяц, надо ведь форс держать.

Вот собираемся мы с Ванькой на гулянку, заходим в магазин, берем под запись вина, водки да конфет полные карманы девок угощать.

А эта гражданка, бабка моя, она продавщицей-то была, и подначивает: «Че, Полинар, мало берешь, будто не стахановец, а отстающий какой? Бери, бери с полочки отдашь...»

Погуляли мы с Ванькой месячишко, потом я гляжу: да мне, милушко, и не рассчитаться... Долгов накопилось - надо год не пивши, не евши работать...

Чего, говорю, Ванька, будем делать-то?

А Ваньке чего? Ванька берет гармонь и говорит: - А ничего, Полька, тут не поделаешь. Придется тебе на продавщице жениться, тогда она тебе долги-то, может, и спишет. Пошли, что ли, свататься!

Вот и женился на экой-то шадровитой. Да всю жизнь и рассчитываюсь... Бабка, дай-ко, нам из за-гашника! Не дает. Вот видишь, до чего скупа. Ну, давай тогда под запись...

В ГОЛОДНОЙ РОССИИ

В начале девяностых, когда Россию лихорадило, трясло и призрак голода, казалось, стоял у наших ворот, приехала в Вологду из США одна уже немолодая активистка из какого-то благотворительного фонда, чтобы оценить масштабы нашей катастрофы и потребность в оказании гуманитарной помощи.

Не знаю, насколько искренне эта дама была настроена нам помогать, но ясно было, что западному обывателю рисовались картины ужасного голода в России, как было, например, это в тридцатые годы в Поволжье...

Меня попросили оказать содействие этой благотворительной даме и провезти ее по нашим деревням. Помню, приехали мы в Усть-Кубинский район, пришли в дом к одним моим старикам.

- Вот, - говорю, - познакомьтесь. Эта женщина приехала из Соединенных Штатов, чтобы организовать возможную гуманитарную помощь гражданам России.

Вряд ли старики поняли, что это такое - гуманитарная помощь из Америки, но реакция на иностранку была чисто русской.

- Господи, - всплеснула руками дородная хозяйка и запричитала: - Худая-то какая! Голодная, походи!

С самой Америки! Ну-ко, дед, полезай скоряя в подпол.

И тот же час появился говорливый самовар, загремела печная заслонка, и паря духовито, образовались на столе щи, картошка с бараниной, румяные рыбники, пироги с яйцом и сметаной, молоко, творог, рыжики и грузди, огурцы и квашеная пластами капуста, мед и всевозможные варенья...

Я давно заметил, что гости из стран с устоявшейся капиталистической экономикой за столом, если за него платить не нужно, сытости не понимают. Да еще если продукты на нем самые что ни на есть натуральные, которые за границей стоят безумных денег...

Наша американская благотворительница едва вылезла из-за гостеприимного стола. С большими предосторожностями усадил я ее в машину и повез на другой конец деревни, где все почти из слова в слово повторилось...

Через неделю, страдая от переедания и несварения желудка, непонимания всего происходящего, американка уехала. Гуманитарной помощи от нее, насколько мне известно, не поступало. А может, и поступало, да распродана она была где-нибудь на подступах к России в московских ларьках...

Впрочем, зачем русскому крестьянину эта помощь, за нее потом десять раз спросят да на всю жизнь должником оставят...

Пока у крестьянина земля да свое хозяйство есть, никакие беды ему не страшны. Недаром Василий Иванович Белов называл крестьянский дом атом-

ной подводной лодкой в автономном плавании...
Как в песне поется:

Провались Земля и Небо,
Я на печке пролежу.

К И Н О *

Л Р Д * Р А Б Ы Н Ю *

Бабка Маня-Пулемет копает в огороде колодец. Осень на дворе, а она копает. Далеко уж и заглубилась. Там внизу студено и сыро. Глины столько на сапоги налипнет, что едва бабка по лестнице вверх выкарабкается.

Но вот упорная. Вытащит на волю ведро с глиной, опростает его и снова в яму лезет...

- Что за нужда? - донимают ее соседи. - Сидела бы дома-то на печи, ведь тебе уж за семьдесят. Или бы молодые копали...

- Молодым, видать, недосуг, а без колодца нельзя. Поглядите-ко, вся округа душную воду из трубы зырит. От этой воды все нутро скоро проржавеет...
- выпалит бабка Маня, как из пулемета отпор даст, и опять под землю нырнет...

И вдруг она пулей вылетает из ямы и во всю прыть бежит к дому.

- Вот, дура-то старая, чуть ведь не забыла, - ругает она себя на ходу. У крыльца сбрасывает с тощих ног тяжелые, в глине, сапоги, влетает в избу и замирает у косяка...

В комнате на диване томно лежит взрослая внучка с модным журналом и смотрит на мерцающий экран телевизора. И бабушка Маня-Пулемет тоже смотрит, боясь перевести дыхание.

На экране очаровательная рабыня Изаура в умопомрачительном пышном платье играет на рояле прекрасную музыку. Входит Леонсио, что-то говорит, и небесная Изаура, оставив музыку, в слезах покидает зал.

И тут бабушка Маня не выдерживает:

- Ох, изверг! - ругается она гневно. - Да что это он над девкой-то так измывается, идол!

- Подумаешь, какая гордая, - в свою очередь возмущается внучка. - Ничего ей и не скажи. Мне бы такую жизнь...

Но бабушка с внучкой не слышат друг друга. Обе они с головой в экранных страстях.

В лесу под Тотьмой построил я большими трудами дом себе для работы и стал туда время от времени наезжать, чтобы подумать да покропать чего-нибудь в тишине. Как-то приезжаю - телевизора нет. Украли...

Остался я без связи с миром. А тут как раз вышла в эфир моя программа про то, как мы с Геннадием Заволокиным на бревне разговоры разговаривали. Пойду, думаю, в деревню. Посмотрю на себя со стороны.

Оказалось, что программы мои в деревне пользуются популярностью. И несколько человек, объединившись, ходят смотреть их к одной женщине, у которой самый большой экран у телевизора и цвета сохранились.

Я тоже к ней пошел. Сели мы чинно, кто в рядок на диване, кто на стульях, смотрим.

А на экране мы с Геннадием друг про друга частушки поем да разные байки рассказываем. Причем я-то рассказываю истории из жизни своей деревни, той самой, в которой телевизор смотрю. И вижу, что зрители всякий раз удивляются:

- Надо же, - говорят, - все, как про нас, как про нашу деревню...

Чему удивляются, думаю сам себе, про вас и есть.

Но вот закончилась программа, стали все расходиться.

- Хорошо, - говорят, - посидели, посмеялись, отдохнули...

А хозяйка вдруг и заявляет:

- Я только одного не поняла: а второй-от кто был?

- Заволокин, - отвечаю ей удивленно.

- Да Заволокина я узнала. А вот кто второй?

- Так второй, стало быть, я, - отвечаю ей в недоумении.

И тут в избе воцарилась какая-то нехорошая тишина, как будто я сказал какую-то невообразимую глупость, и так в тишине, поглядывая на меня, как на больного, стали расходиться...

ОТ СЕРДЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Еду деревенским проселком и вижу: бежит навстречу бабушка Прасковья Петровна. Ей уж за восемьдесят тогда было порядком. А ходко так бежит, на всех парах. Остановился.

- Куда, - спрашиваю, - летала-то?

- Да вот к фельдшарице бегала на уколы от сердешной слабости.

- Помогают уколы-то?

- Да и сама не знаю. Повестка пришла, вот и побежала...

- Так садись, я хоть тебя до дому подброшу.

- Пустое, - возражает она. - Доле залезать да вылезать. И так добегу.

И дальше побежала. А от ее деревни до медпункта семь километров.

НОЧНОЙ РЕКОРД

...Приехал я по весне в деревню, самовар поставил, сижу у окна, жизнь наблюдаю. И вижу, идет улицей бывший военный, а ныне пенсионер и дачник Василий Анфалов.

Да не просто идет, а идет так, как будто ему только что орден дали за какую-то большую по-

беду. Идет от чувств склень полный, расплескать боится.

Надо сказать, что Василий у нас давно холостякует по причине несогласия прежней жены поменять городскую жизнь на вольную деревенскую. И это для него большая проблема, поскольку мужик он здоровый, в самой еще поре, непьющий, некурящий, хотя его мать говаривала прежде: «У меня Васютка не пьет, а иное хуже пьяного бывает...» Ну это так, к слову.

Мы-то о трудностях холостяцкой жизни в деревне, поскольку на зиму одни старухи остаются. Так что Васютке волей-неволей на сухопае сидеть приходится.

Но только весна проталины обозначит, как начинают проворачиваться в деревне городские дачницы или отпускницы. И тут уж у Василия зимний пост на завершение идет, и начинает Василий окрыленно летать по деревне.

Вот и ко мне, чувствую, спешит радостью поделиться. И верно.

Только порог перешагнул, как заявление сделал:

- Сегодня ночью к одной дачнице ходил. Поставил личный, а может быть, даже и мировой рекорд!

- Что за мировые рекорды ты у соседки ставишь?
- удивился я.

- Акт! - многозначительно и торжественно поднял он кверху палец. - Два с половиной часа... акт! Понимаешь? Восемьсот качков!

Признаться, я опешил и ничего умного сказать не нашелся.

- А сколько, - говорю, - у тебя по продолжительности качок?

Он задумался:

- Ну, этак секунды две-три. Если затяжной, так три...

Я взял со стола карманный калькулятор и стал считать:

- Восемьсот качков на три секунды... Это будет две тысячи четыреста секунд, деленных на шестьдесят...

- Нет, - говорю, - Василий, не получается у тебя мирового рекорда. Тут не два с половиной часа, а всего минут сорок набирается... Может быть, только на личный если потянет.

Он обиженно дернулся, отобрал у меня калькулятор и стал взволнованно пересчитывать результат. Видимо, рекорда не выходило, и он в досаде бросил калькулятор на стол и хлопнул дверью.

Я увидел в окно удрученную фигуру Василия, и мне стало жаль его. Я выбежал ему вслед:

- Василий, да ты не отчаивайся! Кто считал этот мировой рекорд? Ведь нету нигде этих данных. Может быть, твои сорок минут и есть наивысшее достижение?

Но он ушел не оборачиваясь.

Дурак я, дурак. Такую песню испортил человеку...

ЧУЖАЯ КАРТОЧКА

В одной маленькой деревне на реке Сухоне живет бобылем немолодой уже мужик Валька Некрасов. А поскольку он никогда в жизни не был женат и живет с матерью, то немногочисленный деревенский народ считает его и до сих пор парнем.

Но и он-то, похоже, мужика в себе еще не признал: какой мужик, коль все на мамкином обеспечении. Ну да, таких вот престарелых парней, которые себе на водку только и зарабатывают, сегодня у нас по деревням немало. Кого нынче этим удивишь...

Да и вообще, чего в деревенской жизни удивительного-то? Вот если только вспомнить, как лет десять назад в дом Валентинов во время грозы залетела шаровая молния... Да и она особой беды не наделала, а почудесила только.

Прошла меж стеной и обоями, и обои сразу отклеились напрочь и встали рядом со стенкой по стойке «смирно». Валька их на сарай вынес, там теперь и стоят.

Потом сунулась молния в проводное радио и, должно быть, что-то повредила. С тех пор стало радио странно картавить. Как ни включишь, одна песня: «Гогоит гадио ...». Но и с таким радио чего ж не жить. Время скажут и ладно... Привыкли.

Из радио молния в простенок к зеркалу поплыла и весь серебряный слой у зеркала отшелушила. Худо без зеркала-то, да в левом углу маленький

кусочек остался, как специально. Всего-то лица не увидеть, но бриться можно. Частями...

Хотела непрошенная гостья еще победокурить, да тут мать Валькина рассердилась и веником вытупила гостью в окно. Ну, на этом и все, кажется, события...

Ах, да! Колхоз еще за это время развалился. Но он тихо разваливался, без потрясений. Сначала с зерносушилок электромоторы растащили и пропили, потом за технику принялись, потом за корма на фермах, а потом и вовсе остатное имущество на паи разделили, продали, с месяц погуляли... и стали на мамкины пенсии жить. А на водку денег добыть нетрудно, лесу еще хватает: свалил четыре елки, загнал приезжим заготовителям - вот тебе ящик, а то и два... Пей не хочу!

Последний раз Валька с ребятами хорошо зашибили, тысячи по четыре на брата за неделю, потом месяц пили до беспамятства. Валька проснулся под порогом, не помнит, как и домой попал. А мамка на печке услышала шевеленье, строжить начала:

- Что ты, непутевый, гулеванишь? Погляди-ко, декабрь на дворе, а у тебя по сю пору паспорт не заменен... Вот как огреют штрафом-то али на казенное содержание приберут, будешь знать.

Валька хотел было огрызнуться, да аргументов не нашел. И впрямь, без документа ты и не человек вроде. С милицией шутки плохи. Покряхтел, постонал да стал в район собираться. Помылся под ручноймойником, щетину у зеркала поскреб, надел чистую рубаху и... в путь.

А до района семь километров пешком да двадцать на автобусе. Приехал, сфотографировался, фотографии и говорят:

- Поди давай домой-то. Мы тебе карточки почтой вышлем.

Опять на автобусе двадцать да пешком семь. К вечеру только вернулся... На печь завалился да три дня и пролежал, в себя приходил от пьянки да дороги.

На третий день почтальон в ворота брякает. Принес конверт из района. Слез Валька с печи, распечатал послание, и...

- Ох, детишкина мать, будь они неладны!

- Чего, Валька, лаешься-то? - старая услышала.

- Чего, чего! Косорукие да безглазые. Вечно все перепутают. Карточки какого-то мужика дряхлого вместо моих послали. Поеду, разделаю их там!

Надел Валька катаники, телогрейку накинул да опять семь километров пешком да двадцать на автобусе...

Кинул фотокарточки на стол гневно:

- Мне что, делать больше нечего, как к вам за тридцать верст гоняться...

Покачали фотографы головами, а спорить не стали:

- Ладно, - говорят, - давай переснимем.

Свет дополнительный поставили, щелкнули:

- Поди, - говорят, - с Богом. Карточки уже почтой пошлем.

И опять Валька двадцать на автобусе, семь пешком...

На третий день почтальон идет, конверт несет.

Валька к окошку с посланием, чтобы видать лучше было...

Распечатал и замер...

- Чего там, Валентин? Куда опять засбирался?

- Мало косорукие, мало безглазые, дак ищо и безголовые. Под монастырь меня хотят подвести, без документов оставить. Опять мне того старого мужика послали. Ишь, рожа-то опухла. Поди, месяц водку жрал! Ну, теперь-то у меня держись. Спуску не будет!

- Дай хошь мне-то на мужика этого взглянуть, - попросила мать. - Может, признаю кого.

- А гляди не гляди, толку-то. Опять надо в район лететь...

Взяла мать у Вальки из рук карточки, очки на резинках поправила, долго смотрела и говорит:

- Ох, Валька! Да ведь это всяко ты и есть! В зеркало-то на себя давно ли смотрел?

- Ну ты даешь, старая! - совсем разозлился Валька. - Ты меня за дурачка-то не выставляй. Али бы я себя на карточке не узнал?

Хлопнул Валька дверью и в район полетел. Семь километров пешком, двадцать на автобусе.

Говорят, после этого случая на фотографии в районе повесили объявление: «За состояние лица клиента администрация ответственности не несет»...

Похоже, многие вот так себя на карточках не признали. А в общем, все правильно: о себе-то мы всегда лучшего мнения...

У БОГА В КАРМАНЕ

- Живем, как у Бога в кармане! И песни я не сама придумываю. Они будто дождь какой на меня сверху льются, - собеседница моя сверкнула озорно глазами и под балалаечную трель звонко вывела:

Я любила этот берег
И люблю его сейчас,
Потому что этот берег
В сердце каждого из нас.

...Солнце клонилось к закату, и мир заполнялся постепенно золотистым теплым светом. Катившая глубоко внизу по перекатам свои воды Сухона скоро тоже стала золотой. На противоположном берегу зажглись предзакатным золотом вершины елей и сосен, и между ними высветился золотистой опушкой единственно видимый дом деревеньки Святой...

Мы сидели на лавочке над береговой кручею в деревне Опоки, и я, впервые открывший для себя это земное чудо, потрясенно молчал. Противоположный берег Сухоны, от самого уреза воды отвесно уходивший вверх, напоминал гигантский слоенный пирог с белыми, охряными и темно-серыми полосами. Берег был настолько высок, что росший наверху лес казался всего лишь травой-муравой. В районе Опок высота берегов достигает почти 90 метров. Это сравнимо с высотой тридцатиэтажных небоскребов. Но высота берегов - не главное.

...Перед поворотом на деревню Опоки на трассе Вологда - Великий Устюг бросается в глаза большой оранжевый транспарант, на котором написано следующее: «Уникальные геологические обнажения, существующие 250 миллионов лет».

250 миллионов! Но вряд ли это сообщение, мелькнувшее за окном автомобиля, останавливает и заставляет задуматься каждого. Многие живут в этих местах десятилетиями, а это удивительное, космически непостижимое место проходит мимо них...

Весной девяносто пятого по Сухоне путешествовала группа индийских ученых. Когда судно, пройдя пороги, оказалось в каньоне Опок, индусы до единого упали на колени и стали со священным трепетом молиться, словно они увидели явившееся к ним с небес Божество.

Они рассказывали потом, что в древних священных «Ведах» описываются эти высокие слоистые берега и эта река, бегущая к молочному, то есть Белому, морю, где по небу ходят огненные столбы, - суть северное сияние... И что эти места, эта река Сухона, соединившаяся с Юг-рекой и родившая новую великую реку Ардвисуру Анахиту, то есть реку двойную, непорочную - Северную Двину, были когда-то родиной ариев, в том числе и родиной индусов...

Действительно, существует убедительная научная теория, которая подтверждает, что нынешний русский Север - прародина арийских народов и индоевропейской языковой ветви, куда входят санскрит и наиболее близкий ему русский, и далее немец-

кий, английский, французский, итальянский, иранский...

Изменившиеся климатические условия заставили древних ариев искать пристанища в других краях и землях, но предания и язык, как лучший археологический материал, хранят следы многих тысячелетий...

Сухонские же берега хранят отпечатки миллионов лет.

Эти меловые полосы и мергели - глины, из которых можно получать прекрасный цемент, - следы бывших морей, превращавшихся потом в сушу, которую вновь покрывали моря. Много было за эти 250 миллионов лет!

Тропические леса буйствовали, бродили меж гигантских пальм гигантские динозавры, летающие ящеры со страшным скрежетом и криком сражались в небе...

История же человечества по сравнению с историей планеты или хотя бы историей этих гигантов, вышедших из вод Мирового океана и властвовавших на Земле почти 100 миллионов лет, - кратчайший миг.

Если представить всю историю планеты за один условный год, то история человечества займет в ней лишь последние четырнадцать часов последнего дня. А история современного «хомо сапиенс», овладевшего авиацией и космосом, - менее одной секунды... Что значит перед всем этим непостижимым величием времени судьба одного человека?

...Торжественно поднялась над Опоками брон-

зоволикая Луна и повисла прямо над излучиной Сухоны, над вечеряющими деревеньками, над неустанно бьющим из-под земли святым источником, над всем этим старинным белым светом. И верно, так вот она восходит и разглядывает этот изменчивый мир из ночи в ночь, из года в год, из эпохи в эпоху. Неустанно и неусыпно многие миллиарды лет.

- Я еще маленькой была, голодно было. Девки меня на гулянку вытащат. На костре чугунок картошки, у меня фуфайка долгая, рукава до земли. Костер трещит, искры сыплет, а над нами небо звездное, кажется, протяни руку и потрогаешь. «Пой, Тонька!», - тормошат девки. Вот и запеваю:

Несчастливая родилась
И живу при горячке.
За меня растёт счастливая
Березка в полячке...

Девки подначивают: «Веселую давай!» Пою веселые:

Хорошо косить у речки,
Выкосишь - воды попьешь,
Хорошо любить гармонишка,
Хоть песен попоешь.

Сидим на высоте-то этакой, веселимся, внизу пароходы плывут, к берегу причаливают и - всей командой к нам. А у нас клуб был в сарае. Стены газетами оклеили, пол настелили. И вот - танцы под балалайку да гармонь.

Я не буду, как береза,
При дороженьке стоять.
Если надо, так догонишь,
А не надо - наплевать!.

Скрипнула калитка и по угору протопала лошадь, ведомая под уздцы Николаем Васильевичем Черемисиным, наверное, главным на деревне мужиком. Николаю Васильевичу уже восемьдесят, был на фронте, работал и по сей день работает на реке, делая ежедневные замеры уровня. Сегодня, недолечившись, сбежал из больницы, - пришла пора окучивать картошку.

Вслед за ним вышла повечерять на угор жена его, Валентина Андреевна. Включилась в наш разговор. Тихо было на Сухоне, лишь шумел за излучиной святой источник да всхрапывала, пасясь на речной пойме, черемисинская лошадь.

- Уж, кажется, столько живу на белом свете, что устать стала от жизни. А ведь раньше думала, не утолочь, - сказала она, укладывая на коленях руки. - Четверо ребятишек, да на работу за шесть километров каждый день бегала. Да все сами... Я в положении уже серьезном была, а с батюком крышу крыла. Чего на работе-то - копейки давали, вот и держали скота полный двор, и маялись летами-то, чтобы накосить...

У матраца сто пружин,
Пойдем, милый, полежим,
Полежим обнимемся,
Потом за дело примемся.

- спела бойкая на язык Антонина Ивановна Рожина, и веселый смех отозвался эхом в крутых сухонских берегах.

...Деревня Опоки в прежние времена называлась Порогами.

Селились в ней речные штурманы, капитаны и судовладельцы. Богатой была деревня. И уж на что любили на Сухоне хозяева покрасоваться домами - два этажа с мезонином - шестнадцать окон по переду, но таких, как в Порогах, деревянных крепостей и дворцов не сыскать было.

В конце тридцатых деревню Пороги расселили и снесли вместе с красавицей церковью. На месте ее построили приземистых бараков, обнесли их колючей проволокой, поставили вышки с часowymi и пригнали новых поселенцев. Новое поселение получило казенное название «Опокстрой». Была поставлена задача: не ожидая милостей от природы - взять их. Строили плотину под гидроэлектростанцию и шлюзовые каналы.

К концу войны плотина была готова. В сорок шестом прошлюзовались первые суда. Газеты объявили об очередной победе народа над стихией.

Зима сорок седьмого выдалась необычайно суровой, весна - бурной. Николай Васильевич Черемисин своими глазами видел, как огромные синевые льдины таранили плотину. И она не выдержала напора, рухнула.

Остатки ее разметало по Сухоне и Двине на сотни километров. Говорят, человек, проектировавший плотину, узнав о катастрофе, немедля застрелился.

Восстанавливать гидроузел уже не было никакого смысла...

В пятидесятых народ начал возвращаться в Опоки, отстраивая деревню заново, но она была уже иная, без деревянных дворцов и крепостей.

А на память о великой стройке остались Опокам обвалившиеся и полусгнившие шлюзы да поклонный крест безвинно погибшим во время строительства людям.

А Сухона пока еще продолжала служить людям: шли через пороги караваны судов, доставляя грузы в восточные районы области, буксиры тащили огромные плоты с лесом... С середины девяностых в связи с общим упадком экономики судоходство резко пошло на убыль, Сухона стала быстро мелеть, уже в июне судоходство на ней становится практически невозможным.

- Теперь вот и у нас с батьком немочь настала, - пожаловалась Валентина Андреевна. - Одну лошадь и держим, кое вспахать, кое в магазин зимой съездить, в больницу ли, кто занедужит. Ведь зимами тут дороги нет... И все-таки не верю, что наша деревня умрет. Не верю... - сказала она убежденно.

Шумел и шумел, изливаясь за излучиной, бесмертный фонтан, шелестела на перекатах вода, а кругом молчаливо и величественно поднимались берега, сотворенные природой за миллионы и миллионы лет...

Скоро будет нас не будет.
Кого будете глядеть,
Да кого будете глядеть,
Да кого будете жалеть.

Содержание

Под гармонь	2
Из-под каблука	3
У меня милашка есть..	4
Мой миленок, я - твоя	9
Мы не свататься приехали	23
Хулиганские частушки	29
Девки баенку топили..	41
За деревней по грядам	45
Нескладухи	58
Мы с товарищем	60
Сидит Ельцин на березе..	64
С песней по жизни	70
На родине	76
Как бабка Нина Крюкова олигархом была	82
Пожарищенские беседы	88
В деревне Конец	92
Чудеса в корзине	97
Танец маленьких лебедей	102
Под вековыми липами	109
Кирилловская	116
Свинарка и пастух	118
Шинель	119
Вологодское достояние	120
На авось да небось	123
У медведя на бору	126
Ремонт в пути	128
Пляски на болотах	130
Валенки для пчел	131
Под запись	132
В голодной России	134
Кино про рабыню	136
Со стороны	137
От сердечной слабости	139
Ночной рекорд	139
Чужая карточка	142
У бога в кармане	146

Специальное издание
к Дням Вологодской области
в Москве

*Автор выражает благодарность за помощь в издании книги
депутату Государственной Думы ФС РФ В.А. Купцову
и Комитету информации, печати и телерадиовещания
Вологодской области.*

80 = 00

Анатолий Константинович Ехалов

КАК У НАШИХ У ВОРОТ

Художник М. Кулакова

Формат 84x108/32. Объем 5,5 п.л., вклейка. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Тираж 999 экз.

Издательский центр «Вологодская неделя».

160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Отпечатано: ПФ «Полиграфист», 160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

H. Exant